

САБИР АЗЕРИ

ПЕРВЫЙ ТОЛЧОК

ПОВЕСТЬ

Перевод В. Комиссарова

...Случилось это в один из осенних праздничных дней, когда в селении Гарагоюнлу решили отметить столь удачно прошедший год. Урожай был уже собран, свадьбы — сыграны. В клубе вручали премии передовикам.

И вдруг стены клуба дрогнули, сорвался и с грохотом упал на сцену занавес вместе с карнизом, маятником закачалась, забренчала всеми своими стеклянными подвесками люстра.

Люди с криком бросились из клуба.

Страшный гул, многократно усиленный эхом, раздался с той стороны, где на взгорье стояли дома учителя Гасана, бригадира Касума и шофера Солтана. На глазах потрясенных людей от горы стал отделяться, сползая вместе с домами, каменистый ее бок. Он сползал медленно, дома все держались на нем, не распадаясь, только подпрыгивая, подскакивая, словно в каком-то дьявольском танце.

Первым рухнул дом Солтана, стоявший ближе всех к краю, затем — дома Касума и Гасана. Взлетели обломки, все окуталось тучей пыли; тучу повлекло вниз с нарастающей скоростью, а когда она рассеялась, новьгё, бурый, в глубоких расщелинах склон. предстал перед людьми. Таким он был, наверное, миллионы лет назад.

На минуту все застыли, охваченные ужасом, а потом бросились в разные стороны. Перед клубом осталась кучка людей. Здесь были не только пострадавшие; стоял Алекпер — председатель и его отец Гафароглы, и колчерукий Наджаф...

Первым к развалинам двинулся Алекпер, за ним остальные. И толпа, только что в панике разбежавшаяся по своим домам, стала редеть: то один, то другой останавливался, потоптавшись в нерешительности, возвращался и догонял тех, кто спешил к рухнувшему склону.

Рыдали женщины, утешая оставшихся без крова; перекликались мужчины, вытаскивая из-под обломков остатки домашней утвари и с опаской поглядывая при этом, на голый каменистый склон, нависший над руинами. Алекпер, осунувшийся за считанные минуты, с проступившей черной щетиной на свежесбранных щеках, кричал: «Людей ищите, людей спасайте!» Ему объясняли вновь и вновь: все живы, все были в клубе, но он повхорял вновь и вновь: «Людей спасайте, людей... Гасан где? Ребятишки его где? Касум? Где Касум?..»

Касум стоял рядом, но не откликнулся. Словно что-то замкнулось в его сознании. Он хотел крикнуть всем, чтобы уходили в укрытие; он, солдат, провоевавший четыре года, твердо знал, что надо делать, когда рушится все вокруг. Эта мысль совершенно заслоняла другую — то, что он стоит перёд развалинами своего дома!

Пришла большая беда, и люди, совсем еще недавно занятые своими делами, самые мелкие из которых казались им более важными, чем самые важные дела соседей, бросились на помощь. Так всегда было, так всегда будет. И все-таки это выглядело настоящим чудом, даже среди всех чудес, случившихся в Гарагоюнлу за последнее время, * * *

Эти дома стояли на самой окраине Гарагоюнлу. Все село раскинулось у подножия холма, упираясь в него крайними строениями, а три дома лепились на самом косогоре.

Человеку постороннему было бы непонятно: то ли село из-за тесноты в долине полезло в гору, то ли, наоборот, из-за тесноты на горе спустилось в долину. В самом же Гарагоюнлу, конечно же, все прекрасно знали, что на косогоре остались дома трех упрямцев — Гасана, Касума и Солтана, не захотевших переселиться вместе со всеми ближе к полям и огородам.

Каждый из них имел свои причины не трогаться со старого места.

Бригадир Касум откладывал переезд из года в год. С раннего утра до позднего вечера его плотная коротконогая фигура мелькала то в одном конце села, то в другом. Всюду он хотел поспеть, во все вмешивался, заранее, на всякий случай ругался с трактористами — чтобы лучше обрабатывали землю, с водовозом — чтобы не опоздал пригнать бочку в поле, с пастухом — чтобы стадо не забредало в посевы...

— Когда переезжать? Когда-а-а? — обычно говорил он. — Не видите: весь день кручусь как заведенный...

У Гасана-учителя причина была хотя и схожей, но иной. Два года назад Гасан выиграл по лотерее «Запорожца»; от неожиданной радости он стал сам не свой, ходил целыми днями вокруг машины, гладил ее капот и крылья, забравшись в кабину, осторожно давил на педали. Водить машину он тогда еще не умел, но каждый вечер мыл ее, освобождая сверкающие лаком поверхности от воображаемой многокилометровой грязи и пыли. Водопроводная колонка стояла возле самого дома бригадира Касума, и каждый раз, когда Касум видел учителя с ведром возле колонки, он кричал в тревоге:

— Сосед, не нажимай так на ручку, опять сломаешь!

— Что значит «опять»? — с достоинством выпрямлялся Гасан. — Когда это я ломал?

— Я не знаю, кто ее ломает! — горячился Касум. — Ты, Солтан или сам черт! Но мне надоело ее чинить!

Колонка действительно то и дело портилась. Кто сломал ее — осталось тайной, но вода из трубы время от времени начинала — сама по себе течь маленьким водопадом. Касум, если оказывался дома, выбегал с проклятьями, кое-как прилаживал ручку, а через день все повторялось сначала. Давно пора было вызвать мастера, исправить колонку. И Касум, и Гасан, и даже Солтан так бы и сделали, если бы считали ее своей, на в том-то и беда, что считалась она общей. Теперь ею пользовались три семьи, а раньше воду из нее брало полсела.

И потом им, правда, было некогда: Касум весь день носился по селу с распоряжениями, Гасан возился со своим «Запорожцем» — сначала мыл его и тер, затем принялся строить для него гараж, а когда пришло время, стал ездить и даже, осмелев, подолгу копался в моторе, если двигатель не заводился. О сломанной колонке беспокоился Касум — это верно, но как же не беспокоиться, если вода из нее хлестала чуть ли не на порог его дома!

Причину, по которой не переселился в долину Солтан, тоже хорошо знали в селе. Солтан был человек одинокий, замкнутый, сторонящийся людей. Зачем ему переселяться ближе к людям, если он не нуждался в них и даже избегал? Бывало, и на работе от него лишнего слова не могли добиться, а уж после работы и вовсе — буркнет в ответ и отвернется.

Хçrn он родился и вырос в селе, многие считали его приезжим. В каком-то смысле они были правы: Солтан вернулся в Гарагоюнлу только прошлой зимой. Где носило его два с лишним десятка лет — никто не знал. Большую часть времени Солтан проводил дома, даже в клуб не

ходил. Из дома — на работу, с работы — домой. Тропинка к его крыльцу заросла бурьяном, да и сам дом производил впечатление нежилого: шелушащаяся краска на двери и балконе, тусклые, давно не мытые стекла окон, среди которых попадались серые фанерные заплатки.

Первое время Касум и с ним ругался из-за колонки, а потом махнул рукой, поняв, что только зря портит нервы.

...В тот день Касум возвращался с лугов. Головки клевера свисали у него с ботинок, штаны были испачканы пылью, к карману пиджака прицепился репей; он не замечал беспорядка в одежде, увлеченный своими мыслями. Собственно, мысль была одна: травы в долине Пиркалем созрели, пора начинать сенокос. Остальные сопутствовали главной, и самой настойчивой из них была мысль о том, что надо бы допросить Гасана—учителя прислать на подмогу колхозу старшеклассников. Другому Гасан, может быть, и отказал бы, но соседа, конечно, уважит... Старшеклассники каждый год выходили на луг, но Касуму было приятно думать, что без него дело не сдвинется, что он — всему голова, и осуждать его за эту слабость никак нельзя: это куда лучше, чем перекладывать свои обязанности на плечи других.

Солнце уже садилось, когда Касум подходил к дому. Еще издали он услышал знакомые звуки — словно гоготала курица, у которой в горле застряло кукурузное зерно, а когда этот гогот временами обрывался, был слышен плеск воды. Касум ускорил шаги. Ну, так и есть, привычная картина!

Выкатив «Запорожец», из гаража, Еёсь в поту и грязных масляных пятнах, Гасан копался в моторе, затем садился в кабину и пытался завести машину, «Запорожец» гоготал, выплевывал из глушителя сгусток сизого дыма и снова умолкал. А неподалеку, искрясь в лучах заходящего солнца, била из колонки струя воды,

— Сосед! — возмущенно закричал Касум, забыв о своем намерении обратиться к нему с важной просьбой. — Ну, неужели трудно тебе два шага в сторону сделать, заткнуть глотку этой проклятой!

Прежде чем ответить, Гасан заставил мотор раз пять гоготнуть, машину не завел и выругался.

— Да чинил я ее только что! Опять хлещет. Надо мастера звать.

— Вот и позови.

— Почему я должен?

— А почему я? Ты больше всех пользуешься, десять раз в день ишака своего моешь! Гасан неожиданно рассмеялся:

— Вот это верно сказал. Ишак, а не машина! Еще упрямее. Только я ее переупрямлю!

И Гасан вновь нырнул под крышку капота, выставив тощий зад.

Как ни оскорбительно разговаривать с человеком, повернувшимся к тебе задом, Касум не отступил:

— Слушай, у тебя машина. Что тебе стоит привезти мастера! А в другой раз я приглашу. Некогда мне сейчас, понимаешь? Ни дня, ни ночи... Баллах, клянусь могилой отца, голову почесать некогда! Сенокос! Хотел как раз тебя просить: не мог бы ты своих школьничков...

— А-а, — обрадовано закричал Гасан. — Нашел! Винт не завернут!

Он забрался в кабину, машина вновь загоготала и, наконец, завелась. Из окошка высунулось довольное лицо Гасана.

— Прости, сосед, тороплюсь. С утра к теще должен был ехать за женой, за ребятишками. Хатын Арвад сейчас небось тень мою топчет.

Узнав, что сварливой учительши нет дома, Касум осмелел и так стукнул кулаком по машине, что капот закрылся.

— погоди! Ну, заверни по дороге к мастеру. Прошу тебя. Смотри, весь двор залило. У людей воды не хватает, а тут попусту льется!

— Каждому свое! — засмеялся Гасан. — У них — огороды, у нас — вода.

— Чему только ты детей в школе учишь! — в сердцах воскликнул Касум.

— Научкам, научкам, дорогой! — важно ответил Гасан. — Отойди-ка, я поехал.

Касум проводил взглядом удаляющуюся машину, плюнул ей вслед и направился к колонке.

На этот раз ручку приладить не удалось; как ни старался Касум, вода все равно продолжала бежать. Вконец измучившись, он нашарил в кармане тряпицу, туго скатал ее и попытался заткнуть трубу, из которой била струя. При этом он неосторожно зажал ее ладонью, струя брызнула вбок фонтаном — прямо ему в рукав. Касум даже задохнулся от острого холода, как боль, кольнувшего сердце.

— Провались ты! — в бешенстве закричал он, отряхиваясь, что было в общем-то бесполезно, поскольку насквозь промокли не только пиджак и брюки, но даже нижнее белье. — Больше не прикоснись, пусть все затопит!

Касум заспешил домой, стараясь не наступать в лужу, протянувшуюся от колонки к его двору. Нет, что-то надо было делать, и правда, вскоре Затопит дом!

Через несколько минут он уже вновь был возле колонки с лопатой в руках. Привычно, споро Касум вырыл канавку, отводя воду в сторону от своего дома, выброшенной землей засыпал лужу и облегченно вздохнул: вода с веселым журчанием потекла по новому руслу.

Он уже заканчивал работу, когда из соседнего дома вышел Солтан — кряжистый, но чрезвычайно, до болезненности худой человек. Оглянувшись с опаской по сторонам; но не заметив тем не менее в сгущавшихся сумерках Касума за колонкой, он вскинул на плечи тяжелый мешок и зашагал по тропинке, ведущей к озеру. Касум хотел, окликнуть соседа, да не стал; пусть идет своей дорогой, лучше не связываться с этим сумасшедшим, что ни скажи — вспыхивает, как порох!

Касум еще раз полюбовался своей работой, подивился, как он раньше не додумался отвести воду в сторону, и отправился домой. Единственно, чем остался он недоволен — не успел попросить Гасана прислать школьников на сенокос, * * *

Между тем Солтан, то и дело поправляя сползавший с плеч мешок, продолжал свой путь к озеру. Стало совсем темно. Узкая тропка среди зарослей ежевики карабкалась в гору, под тяжестью мешка Солтан сгибался в три погибели, порой вынужден был, чтобы удержать равновесие, хвататься за колючие кусты, царапая в кровь руки. Время от времени он останавливался, отдуваясь и думая: не повернуть ли назад? Но каждый раз, когда ему приходила в голову эта мысль, он заставлял себя вспоминать вчерашний день; воспоминание подстегивало его, как удар кнута, — стиснув зубы, Солтан бросался вперед, шатаясь под тяжестью мешка, и чуть ли не бегом преодолевал крутой подъем.

...Вчера берег озера, как всегда, был усеян ребятами: они играли, купались, загорали, ловили рыбу. Удочки у них были самодельные — крепкие прутья с леской, поплавком из пробки и грузилом из кусочка свинца, сплюснутого на леске крепкими ребячьими зубами. В руках у сына Османа красовался спиннинг, блистающий на солнце лаком, с крепкой дюралевой рукояткой, оглушительно, как автомат, трещающий катушкой. Широко размахнувшись, Алыш забрасывал блесну в самые дальние места, где всегда стояла рыба. Через несколько минут раздавался ликующий крик, над водой взвивалась рыбина и летела прямо в руки Алыша. У ребят на кукане плавали по три—четыре рыбки, возле Алыша вода всплескивалась от добычи. В конце концов ребята, оставив удочки, столпились возле удачливого рыбака, с восхищенной завистью наблюдая, как ловко он управляется со своей новой снастью.

Солтан, увидев эту картину, выругался сквозь зубы. Против Алыша — черноволосого, худощавого, улыбочивого паренька, он ничего не имел, да и не мог иметь: ведь тот был сыном Сенем! Если бы мальчишка ловил рыбу для себя или для кого-нибудь... Но ловил он ее для отца, Османа!

Дом Османа стоял у подножия горы. Каждый вечер Солтан, вернувшись с работы, вдыхал ненавистный ему запах жареной рыбы и слышал внизу под собой веселый голос, восклицавший всегда одно и то же:

— Ах, сынок, опять ты отца балуешь. Ничего мне не надо — была бы жареная рыбка... Прямо слюнки текут. Ого, какая огромная, на всю сковородку. Что бы я без тебя, сынок, делал?

У Османа, наверное, и впрямь текли слюнки: голос у него в это время дрожал и как бы плыл. Солтан уходил в самую дальнюю комнату, чтобы не слышать.

Он и на озере перестал появляться из-за этого: лучше не видеть, как ликующий Алыш выхватывает из воды одну рыбу за другой.

Как прежде Солтан любил озеро! Оно лежало среди горных лугов, среди шелковистых трав, чистейшее, прозрачное, словно слезинка. На фронте тяжкими морозными ночами снилось ему в окопе это озеро. Не дом, не родные — озеро в предзакатный час, когда на его поверхности расходятся бесшумные круги от играющей в глубине рыбы. Озеро и Сенем, идущая босиком по берегу. Он просыпался с замерзшими слезинками на щеках.

Теперь Солтан ненавидел его. Иногда казалось: если бы мог — прорубил в скале щель и спустил бы воду. Даже дом Османа, где он постоянно видел Сенем, не вызывал у него такой неприязни. Оно предало его, это озеро; сколько раз сидели они с Сенем на берегу — влюбленные, счастливые, мечтали о близкой свадьбе; — теперь ее сын ловит здесь рыбку для ее мужа... Сколько лет прошло, все, казалось бы, должно было выгореть в душе Солтана. Все и выгорело, а это осталось.

На войну Солтан уходил юношей, чуть постарше, чем сейчас Алыш, таким же стройным и черноволосым. Вернулся через три года, уже не юношей — мужчиной, сильным, кряжистым, с седой прядью в волосах. Мать, увидев сына, хотела обнять его, но не смогла дотянуться, и тогда он встал перед ней на колени, чтобы она могла, как раньше, прижать его голову к своей груди. Мать обняла Солтана, вдохнула родной запах его волос и стала перебирать сухонькими пальцами боевые награды. Сестра стояла в сторонке и тихонько плакала. Потом приходили поздравлять с возвращением соседи, родственники. Навестил Солтана и Гафароглы, председатель, долго расспрашивал о фронтовых дорогах, о порядках в других странах, через которые шел с боями земляк-солдат. Солтан рассказывал; нельзя было не рассказывать; когда спрашивает Гафароглы. Но, выбрав минуту, шепнул сестре: «Сенем знает, что я приехал?» Она кивнула и заплакала навзрыд...

В жизни Солтана было всего несколько мгновений, которые остались не только в памяти — в

памяти осталось многое, но и в чувствах. Бомбежка под Сталинградом, когда вокруг горела земля, пропитанная нефтью, а он лежал с перебитой осколком ногой..,

День Победы... И еще те минуты, когда он спросил о Сенем, а сестра заплакала навзрыд. Стоило Солтану вспомнить об этих мгновениях, и у него начинало бешено колотиться сердце.

«..Сейчас сердце у. него «выпрыгивало из груди совсем по иной причине — давали о себе знать крутой подъем и тяжесть мешка. Но Солтану казалось, что задыхается он, вспомнив былое.

Выйдя на берег озера, Солтан с облегчением скинул мешок с плеч и уселся возле него на траву. Он отдыхал и вместе с тем ждал, когда месяц поднимется повыше и темнота рассеется. Но вот наконец прозрачный серпик месяца выплыл из-за гор, поверхность озера тускло заблестала, заискрилась. Чуть слышно шелестели камыши, словно переговаривались шепотом друг с другом. Тревожный, печальный крик Анадила замирал вдали: «Нашел ли?», «Не нашел...», «Нашел ли?», «Не нашел...». Эх, странная ты птица, анадиль! Летаешь над камышами изо дня в день, из года в год, из века в век и все ищешь, ищешь... Что? Потерянную любовь? Утраченное счастье? Или себя потеряла? Никто тебя никогда не видел, и, может быть, ты не птица вовсе, а только эхо того вопроса, который каждый задает себе... Нашел ли? Не нашел...

Солтан тяжело вздохнул, развязал мешок, зачерпнул горсть остро пахнувшего жмыха и принялся расшвыривать его по озеру, стараясь попасть в те места, откуда вчера Алыш чаще всего вытаскивал рыбу. Тяжелые, липкие комья летели вдоль серебристой лунной дорожки, с плеском разбивая ее.

— Поешь ты теперь рыбки! — бормотал Солтан. — Подберешь слюнки!

Он перекидал в озеро все крупные комья, когда близкий шорох заставил его оглянуться. Шорох не испугал Солтана, он был не из боязливых и к тому же знал: кто бы ни застал его сейчас, связываться не станет, чтобы не наживать себе врага, в Гарагоюнлу уже знали его нрав! И все же, оглянувшись, Солтан испуганно присел, стараясь слиться с кустами, вжаться в траву, чтобы остаться незамеченным.

По берегу шла Сенем.

Она прошла мимо, не заметив Солтана, и он перевел дух. Выпрямился, посмотрел ей вслед и неожиданно для себя окликнул. Тихо, одними губами. Однако она услышала.

Он не знал, зачем это сделал. Наверное, причиной тому был лунный свет, преобразивший лицо женщины. Давно уже Сенем потеряла девичью свою красоту В лице ее все как бы опустилось: углы губ, глаз, даже морщинки на висках стремились сползти вниз. И вся она, потеряв горделивую осанку, словно бы осела, стала меньше ростом. Но в лунном скрадывающем свете Сенем снова предстала перед Солтаном юной и прекрасной.

Она не удивилась, как будто ждала этой встречи, поздоровалась

в стояла молча.

— Ты откуда? — хрипло спросил Солтан, хотя видел, что она шла с граблями на плече, а теперь опирается на них. — С покоса, что ли? Чего со всеми не пошла?

Он задавал вопросы, не ожидая ответов, только бы

Сенем сама не спросила, что делает он здесь, что за мешок валяется у него в ногах и что это рассыпано по траве?

— Как живешь, Солтан? — тихо спросила женщина.

— Лучше всех! — ответил он с вызовом,

— Долго тебя не было...

— Разве?

— Совсем чужой стал. И говоришь, как чужой. Раньше ты был добрый...

— Зачем, вспоминать, что было раньше... — Ты никогда не вспоминаешь?

— Слушай, иди своей дорогой! Я тебя не звал.

— А мне показалось...

Конечно, давно пора забыть прошлое. Он думал — забыл, иначе не вернулся бы. Но вернулся, и вспыхнули вдуше угли, давно покрытые пеплом. Что это было? Прежняя любовь? Какая там любовь, когда седая прядь — след войны — совсем затерялась среди других таких же, а лицо прорезали морщины. Прежняя обида, злость за несложившуюся жизнь, за лютое одиночество, которое началось двадцать с лишним лет назад и продолжалось все это время?

С тех пор, как Солтан вновь вернулся в село, им не Доводилось встречаться наедине; на людях едва кивали друг другу, старались поскорее разойтись. Но уж лучше так, чем стоять на берегу озера, где все напоминало им о счастливом прошлом, и говорить грубости.

— Хорошо, я уйду. Только, Солтан, родной, прошу тебя: не делай этого...

Слово «родной» ошеломило Солтана, заслонив все другие. В его сознании жила не одна, а несколько Сенем. Тоненькая, грациозная девушка, почти девочка, с которой оци так любили бродить по берегу озера. Он был тогда необыкновенно смешлив — из тех весельчаков, про которых говорят: «У них десны на солнышке загорают!» Сенем всплескивала руками: «Вчера председатель Гафароглы опять сердился. Почему, говорит, жеребец Гырат все время ржет по вечерам? Ему объясняют: это, мол, не Гырат, это — Солтан на озере... Родной, я не хочу, чтобы над тобой потешались!» Солтан обещал сдерживаться, но через минуту, забывшись, опять хохотал так, что эхом откликались горы. Сенем зажимала ему ладошкой рот. Ладошка была легкая и нежная, как прядь козьего пуха, и пахло от нее чуть слышно духами, хотя Сенем никогда не душилась. Солтан, схватив ее за руку, притягивал к себе... И опять она говорила: «Родной, не надо...»

И были другие Сенем. Рыдающая молодая женщина, когда он, узнав о ее замужестве, бросил ей в лицо оскорбление, прежде чем уйти из села... Пожилая Сенем—соседка, заботливо зовущая мужа и сына: «Осман! Алыыш! Идите ужинать!»...

«Родной...» Это говорила та, первая Сенем!

Она шагнула к мешку, нагнулась и протянула руку. Солтан, опомнившись, поспешно перехватил ее. Ладонь была холодной, твердой и грубой, как долго пролежавший в земле камень. На Солтана пахнуло от Женщины запахом сырой травы.

— Не трогай! — крикнул он.

— Ты никогда на меня не кричал, — укоризненно произнесла женщина.

Все было в ней чужим, другим, а голос не изменился. Голос принадлежал той, первой Сенем. Едва она начинала говорить, как Солтан терялся.

— Не вспоминай! — буркнул он. — Прошу тебя... Быстрым движением Сенем расстегнула верхние пуговицы рубашки и сняла с шеи нитку с тускло блеснувшими синими стекляшками.

— Что это? — спросил он, стараясь не смотреть на обнаженную грудь женщины.

— Бусы. Твой подарок.

Солтан вспомнил. Сенем подарила ему часы, а он ей — бусы. Ни у кого из парней в селе не было часов, он очень гордился подарком. На фронте, боясь разбить, редко носил на руке, чаще, как амулет — на груди. Но когда узнал, что Сенем, не дождавшись, вышла замуж за Османа, он снял их, ударил о камень. Стекло разлетелось, но часы шли. Солтан- сапогом растоптал их, раздавил, смешал с землей...

Эх, лучше не вспоминать!

Сенем носком ботинка потрогала рассыпанные по траве, слипшиеся комки.

— Ты убьешь озеро, Солтан...

— Чего болтаешь! — крикнул он. — Рыбу подкармливаю!

— Что с тобой стало, — сказала Сенем с тоской. — Что с тобой стало!

— Какое тебе дело до меня? — снова взвился Солтан. — У тебя есть о ком думать. А меня не трогай!

Он никак не мог закурить. Третья сигарета ломалась в его прыгающих пальцах. Сенем плакала. Когда она прежде, еще в той жизни, плакала, Солтан, забыв все, бросался ее утешать: Целовал мокрые глаза, слизывал языком соленые капли, нежно перебирал пряди волос. И сейчас все его существо рванулось к Сенем, он даже руки протянул, чтобы обнять, успокоить. Но перед ним стояла другая, чужая женщина, жена Османа. У него не было ни права, ни желанья обнимать ее, утешая.

— Родной, у тебя окаменело сердце, — всхлипывала Сенем. — Как можно жить с таким сердцем?

И опять он дрогнул.

— Помнишь, я стеснялась твоего смеха, — продолжала между тем Сенем. — Ты хохотал, как будто ржал Гырат. Сейчас об одном мечтаю: услышать твой смех.

— Гырат давно околел, а я отсмеялся.

Женщина улыбнулась сквозь слезы, взяла его за руку, и на этот раз ее прикосновение не показалось Солтану таким холодным и грубым. Его бил озноб. Он чувствовал, что еще немного, и женщина победит его. Мысль эта ужаснула Солтана. Столько лет он провел с сознанием своего горя, так привык к нему и привык объяснять свою неприкаянность этим горем, что уже не представлял себе иного Состояния. Не раз он мог бы создать семью, но не стал этого делать, уверяя себя и других, что хорошо знает — цену любви. Одинокий человек — перекасти-поле, сегодня здесь, завтра там; год шел за годом, где только не побывал Солтан, чего не насмотрелся... Ни за что не зацепилась его душа, обожженная изменой любимой. Никто не мог бы сейчас сказать, как сложилась бы жизнь Солтана, не случись с ним этой беды, но раз случилась она, можно было и не искать других причин его несчастливой судьбы. Нет, он не мог, не имел права примириться с прошлым, иначе ему пришлось бы признать всю свою жизнь страшной ошибкой.

И поняв это, он сказал:

— Дай–ка бусы!

Сенем доверчиво протянула ему нитку бус, сказала, успокаиваясь:

— Посмотри, они обкатались на груди, как камешки на берегу...

Солтан размахнулся и кинул бусы в озеро. Они упали с таким же плеском, как падали слипшиеся комки из мешка.

Женщина ахнула, закрыла лицо ладонями, словно он швырнул в воду живое и дорогое ей существо.

— Иди! — сурово сказал Солтан. — Да смотри получше за своим Османом: подавится когда–нибудь рыбьей костью, плакать будешь!

Сенем молча повернулась и, тяжело опираясь на грабли, пошла от него прочь. А Солтан, оставшись один, в бешенстве бросился топтать бумажный мешок. Он разорвал его и разметал клочья по берегу, каблуками и носками сапог стараясь зарыть в землю остатки прикормки.

Солтан бросил последний взгляд на озеро. Рыба играла. Множество больших и малых, сверкающих кругов расходились по воде. Солтан едва не вскрикнул: каждый был с ожерельем, он различал в них даже отдельные бусинки–стекляшки. * * *

Для многих самыми трудными в военное лихолетье были первые годы, для Сенем — последний. Война подходила к концу, но кончились и силы у девушки. Всем было трудно, Сенем — особенно.

Председатель Гафароглы повторял каждый день: «На фронте ваши братья, мужья, отцы. Им ещё труднее». У Сенем на фронте были сначала трое: Солтан, отец и брат. Потом остался один Солтан. Но и от него уже давно не было писем.

Мать слегла, когда пришла похоронная на мужа, а следом и на сына. Вся работа в поле, на огороде и по дому легла на плечи Сенем.

В тот день она совсем выдохлась: кетмень валился из рук. Домой вернулась затемно. С трудом открыв калитку, вошла во двор. Худющий, с выпирающими ребрами пес встретил ее радостным визгом, пытался лизнуть руку, но она грубо оттолкнула, его; заскулив, он потащился в угол двора, откуда с недоумением уставился на хозяйку, прежде всегда ласковую с ним.

Свет в доме не горел. Девушка подумала, что матери, наверное, стало хуже — даже лампу не смогла зажечь, но мысль эта не заставила ее двигаться быстрее, усталое равнодушие охватило Сенем,

«Опять начнет говорить об Османе, — подумала она, представив себе стонущий голос матери. — Опять уговаривать...»

Собравшись с силами, Сенем переступила порог.

— Пришла, доченька? — раздалось в темноте. — Зажги свет. Керосина — на доньшке, только–только тебе раздеться да поужинать.

Бледный свет «семилинейки» разливался по комнате, выхватывая из темноты желтое, как шафран, лицо матери, лежащей на топчане. Сенем приложила ладонь к ее лбу.

— У тебя температура!

— Наверное. Во рту все пересохло. Дай попить...

— Потерпи, сейчас чайник поставлю...

— Что ты, на ночь глядя!

Но Сенем уже была во дворе. Накидав в очаг сухих хлопковых стеблей, разожгла огонь, поставила старый, закопченный чайник, накидала в него айвовых шкурочек.

Днем на поле она работала в одной легкой кофте, сейчас вечерний холод давал себя знать. Присев у очага, Сенем с наслаждением подставляла огню лицо, грудь, колени и не заметила, как, согревшись, задремала. Сквозь дрему подумала: «Если Солтана убили, и я жить не стану. Это не жизнь...» Очнувшись она все от того же холода. Огонь погас, чайник остыл. Ругая себя на чем свет стоит, Сенем вспомнила, что сушняк-хлопчатника не осталось. Она попыталась нащупать впотьмах хотя бы несколько заваливающих стебельков, но тщетно. Вконец отчаявшись, она разыскала топор в сарае и отправилась в сад. От него осталось всего семь деревьев: тутовник, две яблони, остальные — абрикосы. Они стояли едва различимые в темноте. На первый, взгляд могло показаться, что все здесь по-прежнему, как несколько лет назад, но Сенем знала, сколько деревьев они срубили за эти годы на дрова. Да разве только они? Гарагюнлу облысело, как голова у старика. Даже в знаменитом на всю округу соловьином саду Мусы Киши деревья можно было нынче пересчитать по пальцам. Не пели среди них больше соловьи, хозяйничали вороны да сороки. И самого Мусы Киши уже нет. Перед смертью взял он двустволку и принялся палить по воронью. В сорочонка на верхушке груши выпустил четыре заряда, а тот все сидел и клевал желтый спелый плод. Так, и упал на, землю вместе с грушей... В ту ночь Муса Киши умер. А вороны и сороки по-прежнему с раннего утра сидят в его поредевшем саду.

Сенем передвигалась от одного дерева к другому, нащупывая сухие ветки. Больше всего их было на тутовнике, но ей жаль было рубить старика: столько счастливых воспоминаний было связано с ним! Она даже улыбнулась измученно, сразу представив себе перепачканные тутой лица Солтана и Османа — они все вместе часто забирались на это дерево. Однажды Сенем повесила нехре на ветку тутовника и принялась раскачивать ее, сбивая масло. Солтан сказал: «Ты как ребенка в люльке качаешь...» Они оба принялись покачивать нехре — медленно, осторожно, словно действительно укачивали своего ребенка. Уже и масло давно сбилось, и прохладный душистый айран был готов, а они все качали и качали...

Нет, не могла Сенем рубить тутовник!

Наконец она выбрала абрикос» Глухие удары топора раздались в ночи. Но абрикос был молодой, топор соскальзывал с его упругих ветвей, к тому же в темноте Сенем то и дело промахивалась.

Топор скользнул по колену, содрав кожу- Сенем села на землю и заплакала от боли, бессилия и отчаяния.

Собака, до тех пор дремавшая под крыльцом, выползла из-под него, зарычала, бросилась к калитке. Над плетнем возвышалась едва различимая в темноте огромная фигура. Сенем испуганно вскрикнула, Успокаивая ее, знакомый голос произнес виновато;

— Это я... Вот, сушняку принес...

Осман!

Он боком протиснулся в калитку, бросил у очага большую охапку сухих хлопковых стеблей и сразу перестал казаться огромным.

— Не надо мне ничего! — сказала Сенем.

Присев на корточки, Осман молча растапливал очаг. Яркое пламя озарило его лицо так, что на нем стали видны даже оспины на щеках и на лбу. Почувствовав на себе взгляд девушки, Осман отвернулся, попытался встать, но раненая и еще не совсем поджившая нога подвела. Сдерживая стон, он минуту–другую стоял согнувшись.

Сенем стало жалко его, но она заставила себя подавить это чувство. С тех пор, как мать каждый вечер начинала один и тот же разговор — о замужестве, Сенем всячески избегала Османа, ощущая поднимавшуюся в ней неприязнь, которую прежде никогда не испытывала. Если бы перед ней был Солтан! Пусть даже совсем без ноги! Но живой... Она бы бросилась к нему, поддержала, подставила плечо или обняла бы нежно и крепко и помогла бы распрямиться.

Недавно в правлении она слышала, как успокаивал Осман мать Солтана:

— На фронте всякое бывает, поверьте. Может, на переформировку отправили, в другую часть попал, а может, его часть на другое направление бросили», Пока почта разберется. А случается, и писать некогда: из боя в бой! С председателем я договорился: завтра вам дров привезу. Не брошу вас! Солтан другом мне был...

Сенем вздрогнула: почему «был»?

Тогда она не стала ни о чем спрашивать Османа, но теперь не выдержала: —

— Почему ты про Солтана сказал: «был мне другом»? Ты что–нибудь знаешь? Его убили? Убили?

Она смотрела на него так, словно он был во всем виноват: и в тяжелой ее усталости, и в болезни матери, и даже в том, что от Солтана нет писем.

Осман ответил не сразу. Неловко припадая на больную ногу, он подбросил в очаг еще десяток–другой сухих стеблей, приласкал подползшего к нему пса. Как ни была встревожена и опустошена Сенем, она невблжно отметила: прежде пес так ластился только к Солтану, Османа не признавал. Наверное, подкармливает его Осман.

Если бы Сенем услышала: «Да, убит твой Солтан!», она все равно не поверила бы, «Сказала бы с презрением: «Видно, и впрямь, был тебе другом Солтан!»

Но он, помолчав и словно бы решив за это время трудную для себя задачу, ответил:

— Как думал, так и говорил. Ничего о нем не знаю. Нет его здесь, потому так сказал: «был...»

Она перевела дух. Не то попросила, не то потребовала:

— Не ходи к нам, Осман! Не надо! Ты же знаешь, я Солтана жду! Вон сколько девушек кругом. Женись.

— Мне никто не нужен, кроме тебя, — : глухо сказал Осман.

Чайник закипел, захлопав крышкой. Сенем сняла его с огня и понесла в дом.

Гребешок света в лампе стал совсем крохотным, выхватывал из полумрака лишь край стола. Девушка торопливо наполнила ковшик, подала матери. С жадностью выпив обжигающую жидкость, Телли Арвад попросила вновь наполнить его. Только после третьего ковшика жажда ее уменьшилась, она откинулась на подушки и прошептала:

— Кто приходил, доченька? Осман?

Сенем промолчала.

— Почему не ужинаешь? Возьми в кясе...

Лампа погасла. Сенем ощупью нашла под зеркалом кясу, открыла. Запах мяса и душистого свежего хлеба ударил в ноздри: даже голова закружилась.

— Опять скажешь: люди принесли? — спросила она хмуро.

— А кто же? Сестра Османа. От чистого сердца дают. От себя отрывают...

«Подкармливает, — подумала Сенем с неприязнью, вновь вспыхнувшей в ней. — Как нашего пса... Чтобы приползла к нему...»

Вытащив из кясы мясо и хлеб, она направилась к двери, решив отдать их собаке, но, не сделав и двух шагов, со стоном вонзила зубы в лепешку, солоноватую и мокрую от слез, которые текли по ее щекам.

А мать все говорила и говорила, не замечая в темноте слез дочери:

— Родная моя, Осман — хороший человек. Добрый, хозяйственный. Будешь за ним жить — горя не знать... Солтана ждешь? Где он, твой Солтан? Был бы жив — написал. Все говорят: убили его!

— Мама, не мучай меня! — вскрикнула Сенем.

— Разве я тебя мучаю? Сама себя терзаешь. Посмотришь в зеркало: на кого похожа стала? Войне проклятой конца не видно, пусть даже вернется Солтан, к тому времени старухой будешь... Ты — моя кровиночка, мне ведь ничего не надо уже, о тебе думаю...

Так и забылась Сенем в тяжелом сне под причитания матери.

Проснулась она, когда солнце вовсю гуляло по дому. «Проспала, — в страхе подумала она. — Что теперь Гафароглы скажет! Почему мама не разбудила?»

Телли Арвад на топчане не было. Сенем выбежала из дома и вскрикнула: мать лежала навзничь возле очага с неловко подвернутой рукой; в другой руке у нее были зажаты стебли хлопчатника, которые она так и не донесла до печи.

С громким плачем Сенем бросилась на землю, возле матери.

— Мамочка, не умирай! — кричала она в ужасе: — Я все сделаю, как ты хочешь, только не умирай!

На шум сбежались соседи. Тетушка Сакина командовала: «Воды несите, скорее...» Принесли воды, стали брызгать на лицо матери. Сенем, как в бреду, повторяла одно и то же: «Я виновата, из-за меня...»

Наконец Телли Арвад пришла в себя. Ей помогли вернуться в дом. До самого вечера Сенем ни на минуту не оставляла мать одну: то и дело поправляла ей постель, согревала чай или просто держала ее за руку, как бы стараясь влить в слабеющее тело свои силы. Что-то надломилось в душе у девушки. Стоило ей вспомнить помертвевшее лицо матери, лежащей в беспамятстве возле очага, как ее охватывало отчаянье. Она понимала, что долго сопротивляться не сможет.

Так и случилось через несколько дней.

Причитания матери Сенем услышала, еще не переступив порога дома. Мать стояла полураздетая, повиснув на ручке двери:

— Дождалась, доченька! Отказался от тебя Осман! На другой женится!

Мать вцепилась пальцами в волосы, стала раскачиваться и оседать на пол — лохматая, седая, жалкая и страшная в своей беспомощности и озлобленности.

— Пусть женится, — тихо сказала Сенем.

— Убила! — закричала мать, выпрямляясь и отталкивая ее. — Люди, приходите посмотреть на убийцу!

Пошатываясь, она побрела по двору к калитке, продолжая кричать, словно обезумев. Сенем бросилась за ней, загородила дорогу, сказала задыхаясь:

— Не надо, мамочка, не надо! Я согласна, Пусть этот собачий сын меня забирает.

Рыдая, она бросилась в дом.

...Телли Арвад после этого прожила еще много лет так, что Сенем порой думала: не разыграла ли мать в тот день нехитрый спектакль, чтобы выдать дочь замуж? * * *

Уже второй раз за этот вечер Алыш спрашивал:

— Па! А почему мама не идет?

Осман отвечал спокойно, чтобы не волновать зря сына:

— Что, ты ее не знаешь? Пока все сено не сгребет — не жди.

Но он и сам беспокоился: Сенем никогда так не припозднилась.

Ах, Алыш, Алыш! Старики говорили: «Сын послан Осману самим аллахом в награду за доброту». Если бы Осман верил в бога, он сказал бы иначе: «В награду за многолетнюю, терпеливую веру в чудо». Чудом и было рождение Алыша.

Осман стал ждать его со дня свадьбы. Впрочем, тогда рождение сына не казалось чудом. Он даже прикидывал: не пора ли начинать мастерить люльку? И гости на свадьбе поднимали стаканы все больше за детей Османа и Сенем. Свадьба была скромная — на всех гостей один десятилитровый бочонок вина, подарок Гафароглы. В самом начале войны закопал он этот бочонок, поклявшись, что выпьет его в День Победы, но узнал, что у Османа нет вина в доме, не удержался, выкопал. А на свадьбе сказал: «Придет победа — и без вина будет. Веселье! Свадьба — тоже победа! Жизнь победила, дети пойдут, теперь нам много детей надо, чтобы восполнить наш род!»

И, сказав так, Гафароглы, за три года не выпивший и стакана вина и поэтому сразу же захмелевший, вышел из-за стола, вытащил из-за пояса плетку с рукояткой, выточенной из ножки косули, и, обращаясь к гостям, закричал, как прежде, до войны, когда был тамадой на свадьбах: «А ну, парни, чего стоите?» Прежде парни только этого и ждали: выходили в круг, начинали танец, а Гафароглы, размахивая плеткой, словно быч подгонял их: — быстрее, быстрее! Иногда плетка и впрямь задевала кого-нибудь из парней. Тот молчал, за него вскрикивала одна из девушек, стоявших поодаль. И сразу всем становилось ясно: вот они, жених и невеста на новой и скорой свадьбе!

Теперь, вытащив из-за пояса плетку, Гафароглы мгновенно протрезвел. В круге кроме него стоял Осман, колчерукий с детства Наджаф, да еще трое инвалидов, вернувшихся с войны...

Девушки выталкивали в круг школьников — мальчиков, но те жались к матерям.

— Ну что ж, Сенем! — сказал тогда Гафароглы, стараясь шуткой скрыть смущение. — На тебя вся надежда. Рожай побольше!

Однако день шел за днем, месяц за месяцем, а Сенем все не тяжелела. Каждый вечер, ложась в постель, Осман спрашивал осторожно: «Нет?» И Сенем виновато отвечала: «Нет».

Кончилась война. Вернулся Солтан, пролежавший в госпитале, полгода после тяжелой контузии, и вновь уехал — исчез, как будто его и не было; вернулись другие фронтовики, свадьбы нет-нет, да шумели теперь в Гарагоюнлу, а там и младшенькие подросли, женихались, заневестились. И уже протянулись кое-где за домами веревки с пеленками, закачались колыбели... А Сенем все так же виновато отвечала по вечерам на вопрос Османа: «Нет»...

Дом без детей мертв. Осман стал хмурый, раздражительный, хотя изо всех сил старался не сорваться, не обидеть Сенем. Разве она была виновата? Но однажды он все-таки не выдержал. Случилось это в тот день, когда тракторист Шалон, вдруг посреди бела дня появился на сельской улице, пританцовывая, вопя что-то бессвязное и потрясая гроздьями бутылок, зажатыми за горлышки в кулаках. Говорить связно от волнения он не мог, а просто стал поспешно разливать вино по стаканам всем, кто сбежался к нему. И только выпив свою долю, наконец выдохнул: «Сын! Сын у меня родился!»

До самого вечера гуляли друзья Шалона, среди них Осман, отмечая рождение первенца. Домой Осман вернулся сильно расстроенным. А Сенем в этот вечер, как нарочно, была весела и даже игрива. Напевая, она подходила к зеркалу, прихорашивалась и как-то особенно при этом поглядывала на мужа. И хотя Солтана давно уже не было в селе, странное поведение жены пробудило ревность в душе Османа. Что за беспричинная радость? Не получила ли она весть от своего первого возлюбленного? Он не переставал ревновать жену все эти годы, и признаваясь себе в том, что ждет с таким нетерпением ребенка еще и потому, что тот окончательно привяжет к нему Сенем. Впервые, в жизни ему захотелось ударить жену. Желание это было таким сильным, что он поспешно лег в постель и отвернулся к стене, чтобы не видеть Сенем. Но она сама подошла к нему.

— Ты что такой сердитый?

— А что, я должен танцевать? — зло спросил он, не поворачиваясь.

Она погасила свет, разделась, легла рядом, провела тихонько пальцами по его спине, прошептала:

— Осман...

Ему показалось, что она всхлипывает. Он рывком повернулся, прижал голову Сенем к своей груди; ладонь его стала мокрой. Еще ничего не понимая, но уже предчувствуя небывалое, немислимое, он вскочил с постели, дрожащими руками зажег лампу. Сенем спрятала лицо в подушку. Осман отбросил подушку на палас, спросил шепотом:

— Да? Сенем стыдливо и счастливо кивнула...

Всю ночь он не спал. Лежал рядом с женой, но отодвинувшись от нее так, что едва не падал с кровати: боялся ненароком не только толкнуть, но даже задеть ее.

— Сына я назову именем моего отца, — шептал он. — Ладно? Тебе нравится имя Алыш?

Ей нравилось только одно имя: Солтан! Оно и сейчас звучало для нее музыкой. Но могла ли она сказать об этом мужу? Уже несколько лет они жили тихо и мирно, она даже скучала, если

он уезжал куда-нибудь ненадолго. А теперь он становился не только ее мужем, но отцом будущего ребенка, И Сенем покорно подтвердила:

— Алыш — красивое имя...

... — Па! — сказал Алыш ломким баском. — Я пойду встречу ее. Смотри, скоро совсем стемнеет.

— Хорошо, сынок, — ласково ответил Осман. — Вместе пойдем. Ботинки мои не видел?

— Я их почистил. Сейчас принесу.

Ах, Алыш, Алыш... Люди говорят: «У мальчишки один отец — Осман и две матери: Осман и Сенем!» Действительно, вся жизнь Османа — в сыне. О нем думы с утра и до вечера. Где он! Что с ним? Сыт ли? Выучил ли уроки? Не подрался ли с кем-нибудь? Воспитание — хуже не придумаешь. В селе все сначала были уверены: вырастет Алыш избалованным, испорченным. Ничего подобного! Рос мальчишка добрым и скромным. Вот тогда: то старики и сказали: «Аллах послал Осману сына...»

Алыш пошел за ботинками во двор. Через минуту раздался его удивленный и чуть встревоженный голос:

— Отец!

Осман, как был, в носках выскочил за дверь. Сын стоял посреди двора и смотрел в дальний его угол, где из-за плетня, поодаль друг от друга, выползали три черные длинные змеи.

— Отойди, Алыш! — крикнул в испуге Осман, бросаясь к нему и на ходу оглядываясь, чтобы найти какую-нибудь палку. И тут же он вздохнул с облегчением, убедившись в ошибке: из-за плетня во двор, извиваясь, останавливаясь и вновь устремляясь вперед, ползли не змеи, а струйки воды.

— Тьфу, черт! — выругался Осман. — Откуда она? Алыш выбежал со двора.

— Па! — крикнул он. — Да ее тут полно!

\ Вода сочилась из небольшой трещины в скале, под которой стоял дом Османа, сочилась вроде бы незаметно, но уже успела натечь лужей возле плетня.

«Видно, родник в горе открылся!» — подумал Осман, В любом другом случае мысль о новом роднике была бы ему приятна: родник — это радость! Но сейчас он подумал о нем с тревогой. Затопит весь двор!

Такого никогда еще не бывало. Осман стоял в растерянности, не зная, что предпринять, как остановить ручейки, слившиеся в один поток у его ног. Замазать глиной? Законопатить? Или вбить клин в щель? Завтра придется заняться всерьез, достать цемент, забетонировать, а сейчас — времянку, чтобы не затопило за ночь.

— Сынок! — окликнул он. — Неси топор и доску из сарая.

— А как же мама? — спросил Алыш. — Не пойдем встречать?

— Не до того сейчас. Ну что с ней случится... Видишь, что делается!

Они, принялись за работу. Осман расколол доску на клинья и стал заделывать щель. Пришлось изрядно помучиться: камень скалы крошился, трещинка становилась все шире. Наконец, изловчившись, он загнал клин так, что течь почти совсем прекратилась.

За этой работой и застала их Сенем. В иное время она была бы сильно встревожена неожиданной напастью, тем более что вид у мужа и сына мог любого привести в замешательство: оба вымокшие, грязные, всклокоченные. Но Сенем все еще находилась под впечатлением встречи с Солтаном и только спросила, когда они уже сидели за ужином:

— Что там у вас случилось?

Осман, тоже порядком намаявшийся, не поинтересовался причиной, по которой жена так задержалась, а ответил:

— Ключ в горе стал бить. Боюсь, зальет нас, У Сенем удивленно шевельнулись брови.

— Ключ? — с сомнением переспросила она. — С чего бы? Столько лет жили — не было, а тут стал бить?

— Ну и что! — встал на сторону отца Алыш. — Нам учитель Гасан объяснял недавно: землетрясение — и пожалуйста, реки и то русло меняют. Учитель Гасан все знает.

— Ничего, завтра забетонирую трещину, все будет в порядке, — успокоил Осман.

Сенем хотела что-то сказать, но промолчала. Сказать она хотела вот что. По дороге домой, проходя мимо колонки соседней, она услышала легкое журчание воды, и в лунном свете увидела свежерытую канавку, по которой вода от вечно испорченной колонки бежала в сторону, исчезая под большим камнем, отделявшим двор Солтана от двора Касума. Скорее всего вода, просочившись по трещинам в скале, и доставила столько хлопот Осману и Алышу.

Промолчала же она потому, что, узнав про это, муж непременно пойдет к соседям с просьбой починить колонку, а встречаться ему с Солтаном, как понимала теперь Сенем, совсем не стоило бы.

Всю ночь Осман ворочался, несколько раз выходил из дома, проверяя, не выскочили ли клинья из щели в скале, не затопило ли двор. Возвращаясь, он подходил к постели сына, заботливо поправлял сбившееся одеяло и несколько секунд стоял у изголовья, пытаясь разглядеть в темноте лицо Алыша. Он вспоминал и вновь переживал тот острый приступ страха за сына, когда увидел выползающих на него из-за плетня трех черных извивающихся змей. Алыш дышал во сне ровно, спокойно, и Осман, вздохнув, вновь укладывался спать. Ничего! Завтра он забетонирует все, даже самые мелкие щели в скале, скала станет монолитом, как была всегда, миллионы лет, и простоит столько же, защищая дом Османа — дом его предков и потомков от злых ветров, гуляющих зимой по горам. И может быть, Алыш когда-нибудь покажет своим внукам: «Смотрите! Когда я был таким, как вы, из горы вдруг потекла вода, затопляя наш дом, и мы с отцом ремонтировали скалу...» — «Как можно отремонтировать скалу?» — спросит мальчуган, похожий на Османа. «Как видишь — можно! — ответит Алыш. — Забота о своем доме начинается далеко от его порога!..»

И Сенем мучилась этой ночью, не зная, как поступить. То она представляла себе, сколько сил потратит завтра муж, чтобы заделать трещину, — пожалуй, весь день уйдет, а время нынче такое, день — год кормит. Не проще ли поправить колонку? То перед ней вставало изможденное, злое лицо Солтана, и воображение ее рисовало встречу Солтана с мужем... Нет уж, пусть лучше течет вода, пусть все затопит, но нельзя им встречаться. В конце концов, — она решила: все правильно, пусть Осман заделает скалу, колонка может опять испортиться, а тут уже на веки вечные. И пусть соседи сами разбираются со своей колонкой, ни к чему вмешиваться в их дела.

Время от времени она подносила руку к груди, ощущая там непривычную пустоту. Не было бус, которые за тридцать лет стали как бы частью ее самой. Но, странно, Сенем испытывала

облегчение, не чувствуя под пальцами привычных стеклянных кружляшек. Облегчение было горьким, но несомненным. С нее словно бы сняли многолетнюю тяжесть ее вины перед Солтаном, и сделал это он сам, грубо перечеркнув светлые воспоминания, которыми Сенем жила столько лет.

Что нужно женщине для счастья? Хороший муж, хороший сын, хороший дом... А пальцы Сенем все шарили и шарили по груди и тосковали, натываясь на пустоту. * * *

Засыпал Касум с мыслью о сенокосе и проснулся с той же мыслью. Все ли он предусмотрел? До сих пор сенокос шел на ближних участках, с сегодняшнего дня предстояло отправиться на дальние луга 1. Все ли придут? Подадут ли вовремя машины?. Главное же, беспокоило его то, что не успел он из-за этой треклятой колонки договориться с Гасаном. А без школьникова бригаде придется туго.

Забота о сенокосе вытеснила даже мысль о неисправной колонке, которая последнее время постоянно занимала Касума. Он понимал, что, сделав вчера вечером сток для воды, проблемы не решил. Вода—то все равно бежит!

Только—только начало светать, в домах зажигались огни, и по этим огням Касум, стоя на своем косогоре, как полководец на командном пункте, окидывал взглядом Гарагоюнлу, определяя по свету из окон, кто собирается нынче на сенокос, а кто продолжает досматривать сны. Больше всего порадовало его то, что вспыхнул свет и в доме Солтана. По правде говоря, Касум не надеялся на соседа, а вот поди—ка. И совсем уж неожиданностью оказался ласковый голос Солтана:

— Ну что, дурачок? Есть хочешь? Сейчас, сейчас, не толкайся. На весь день уйду, один остаешься. Не скучай.

Касум ушам своим не поверил; с кем же это он так?

Через мгновение все стало понятным: раздалось благодарное собачье повизгивание. Сирота! Бригадир даже головой покачал, удивляясь своей недогадливости. С кем еще может так разговаривать Солтан? Только с Сиротой. Недаром говорят, что собака зачастую похожа на своего хозяина. Пес прибил к Солтану сразу, как только тот вновь объявился в Гарагоюнлу, а до этого никто его не видел и никто не знал, откуда он. Был Сирота таким же широким в кости, но изможденным, как Солтан, так же сторонился своих собратьев, угрюмо оглядя их при встрече. Не жаловал он и людей, только к хозяину относился с великой преданностью, несмотря на то, что Солтан на него, казалось бы, никакого внимания не обращал. Во всяком случае, на виду у других. Выходит, баловал, когда никто не видит...

У Гасана, конечно, все спали. Если бы не Хатын Арвад, бригадир, пожалуй бы, не постеснялся, постучал бы к нему в окошко: «На сенокос, сосед, не собираешься? Ты, кажется, просил в правлении сено для коровы? Тебе помогли и ты помоги!» Но он знал, что ответ на свой вопрос он получит не у Гасана, а у Хатын Арвад, которая помнила наизусть все постановления, где говорилось об особых правах сельских учителей, а кроме того, знала множество ругательств. Так что Касум, простившись с мыслью заполучить, по крайней мере на сегодняшний день, учителя, обратил свой взгляд в другую сторону — на мелькнувший под горой огонек в окне Османа. Сам Осман вряд ли пойдет с косой по лугу — все—таки счетовод; как ни важен сенокос, но счетовод должен сидеть в правлении: вдруг из района потребуют цифры. Значит, Сенем... Хорошие они люди. Сколько лет живут рядом — никаких неприятностей от них, наоборот, всегда готовы прийти на помощь по—соседски. Не то что эти — учитель со своей злой женой и бирюк Солтан. Не могут даже починить колонку; Га—сан, как кенгуру, таскает своих детей к теще и обратно, только этим и занят, а про Солтана и говорить нечего, стал злой, словно чудовище аджаха, которым то и дело страшит всех Меси—мудрец.

Касум и сам не заметил, как вернулся мыслями к колонке. Так что когда вышел из дома

Солтан, бригадир, едва поздоровавшись, кивком головы показал, на нее.

— Видишь, что делается, сосед?

— Не слепой, — буркнул в ответ Солтан, не останавливаясь.

— И долго это безобразие будем терпеть?

Худой Солтан шагал широко, размашисто, низенький, полный Касум едва поспевал за ним, хотя спускались они с пригорка.

— А мне она ни к чему! — сказал Солтан. — Хоть совсем ее отключи. Мне ведра воды на неделю — за глаза! Это вам с учителем нужно. Ему машину мыть да детей купать, тебе — огород поливать.

— Грязь же кругом, как в болоте живем.

— Да черт с ней, с грязью.

Солтан не замедлял шаги, и Касум стал отставать, а затем и вовсе остановился, заметив, что решительно не поспевает за ним.

— погоди, сосед! Солтан даже не ответил.

— Да что же это в мире делается! — рассердился Касум. — Всем на все наплевать! Совсем стыд потеряли.

Колчерукий Наджаф, который в это время вывернулся откуда-то верхом на коне, поинтересовался:

— Что случилось?

— Не твое собачье дело! — огрызнулся Касум.

— С кем ругаешься-то?

— С тобой! — окончательно взвился Касум.

— Да что я тебе сделал?

— Лезешь, куда не просят — вот что! Наджаф пожал плечами:

— Все ненормальные стали, честное слово! Покуда они ссорились, подошел кузнец Меси, которого в селе все звали Мудрецом. Он тоже остановился, спросил:

— Дети мои, чего вы ругаетесь? Наджаф сказал сокрушенно:

— Мир испортился. Баллах, биллах, мир совершенно испортился!

Меси давно уже не работал в кузне, был он старенький, согбенный, ходил с посохом. Вот и теперь — хотел разогнуться, не смог, ткнул, не разгибаясь, посохом в небо.

— Дети мои, откуда солнце всходит?

Наджаф ответил мрачно, лишь из уважения к возрасту Меси, хотя подумал при этом, что тот выживает, видно, из ума:

— Откуда же ему всходить. Вот оттуда, с востока, из-за вершины горы Кероглы!

— Молодец, знаешь! — похвалил Меси. — А садится вон там, за Курой, правда? Что же в мире изменилось? Зачем ты его ругаешь?

И Меси, усмехнувшись, отправился по своим делам, поднимая посохом облачка пыли на дороге. У всех были свои дела, даже у старого мудреца Меси. Мир действительно не изменился...

Вышел из дома и учитель Гасан. Касум считал, что он куда больше обременен делами и заботами, чем его соседи. Гасан тоже так считал с той лишь разницей, что имел при этом в виду себя. Даже сейчас, летом, когда занятия в школе закончились, когда учителю положено отдыхать, он крутился, как заведенный. Во-первых, надо отвезти жену с детишками к теще в соседнее село, где она жила; последнее время теща стала прихварывать, ухаживать было некому, и Хатын Арвад ездила к ней каждый день, прихватив с собой ребятишек, за которыми тоже надо было присматривать. Можно было бы, конечно, взять тещу, к себе, но Гасан решил, что лучше каждый день отвозить и привозить жену, чем жить вместе с тещей. Вряд ли он принял бы такое решение, если бы не любил так возиться со своим «Запорожцем». Каждая поездка для него становилась праздником. «Кто это едет?» — спрашивали раньше, увидев машину Гасана. «Гасан—учитель, сын Керима». — «О, о, сын Керима имеет машину!» Теперь уже не спрашивали, а просто говорили: «Едет учитель Гасан!» Жаль, что не дожили его старики до этих дней.

Во-вторых, надо было запастись сеном. Гасану полагалось сено на одну корову, а держал он две, значит, надо было что-то придумать. В-третьих, сено, которое выделяют в колхозе, он и даром не возьмет — одни будылья, жесткие, как проволока, да колючки. Достать бы сено с лугов Пиркалем — душистое, мягкое, жирное на ощупь, как то масло, в которое оно превратится. Есть и в-четвертых, и в-пятых, и в-шестых... Разве можно сравнить его заботы с заботами соседей? У Солтана — ни кола ни двора, всей живности — один приبلудный кобель, у Касума — дети взрослые, сами помогают.

Гасан выкатил из гаража «Запорожец» и занялся осмотром машины. На днях что-то заскрипело под ней. Гасан не поленился, съездил в город к знакомому механику. Нестоящий человек оказался. «Газуй, говорит, дальше. Если что серьезное — оно себя покажет, а если несерьезное — само перестанет». — «Нельзя мне ждать, — возразил ему Гасан. — Погляди, прошу тебя, не дай бог откажет чего-нибудь на ходу, дети сиротами останутся». — «Не откажет! Рессоры скрипят — всех делов!» — улыбнулся механик. «Ну ладно, правду скажу, — решил Гасан. — Продавать собираюсь этого ишака. Скрип мне дорого обойдется. Такая чепуха, а пару сотен за него снимут наверняка». — «Так бы сразу и сказал! — ухмыльнулся механик. — «Жигули» хочешь?» — «Там видно будет», — осторожно ответил Гасан. Механик загнал смазку в рессоры, скрип исчез, а через день вновь возник. Совсем человек совесть потерял.

Стараясь не наступать в грязь, окружавшую колонку, Гасан принес ведро воды, вымыл машину и отогнал ее чуть в сторонку, на травку, чтобы не угодить в лужицы, образовавшиеся после мытья. Но именно здесь его ожидала неприятность. Едва он зашел сзади и нагнулся, пытаясь определить причину неприятного скрипа, как тотчас грязная, жижа брызнула из-под травы, намочив туфли. Это было так неожиданно, что Гасан застыл на месте. Такая славная зеленая травка, а под ней настоящее болото! Не иначе как натекла из колонки. Проклятая! Видно, придется все же ему заняться ею, привезти мастера, если соседи — бессовестные...

Пока Гасан вытирал туфли тряпкой, его ребятишки выскочили из дома с сумками в руках и направились к отцу. Гасан крикнул, чтобы предупредить их, но было уже поздно: все трое влезли в грязь. Испугавшись крика, одна из дочерей выронила сумку, нагнулась, чтобы поднять ее, и шлепнулась. Поспешавшая вслед за детьми Хатын Арвад схватила дочерей за уши,

— Слепые вы! Не видите, куда лезете! Дочери завизжали от боли.

— Мы не виноваты... Сверху все сухо. Гасан тем временем ругал сына:

— Посмотри на свои туфли, на брюки. В твои годы я в калошах ходил, туфли берег. И калошибле–стели как новые даже через три года. А ты? Не успел во дверь выйти — и уже всё в грязи!

Мальчишка невольно посмотрел на туфли и брюки отца; перепачканные еще больше, чем у него, по промолчал. Хатын Арвад кое–как почистила ребятишек, Гасан завел «Запорожец» — к своему удивлению, с первого раза, притихшие дети залезли в кабину. Машина тронулась, вздымая пыль и удаляясь все дальше и дальше. Сзади она казалась бегущей по дороге курицей, собравшей под свои крылья цыплят: из каждого окошка высовывалась детская головенка. * * *

Сенокос в долине Пиркалем набирал силу, и Ка–сум мог бы перевести, наконец, дух: люди выходили на работу дружно, уходили лишь тогда, когда солнце скрывалось за Курой. Гасан вывел своих школьников на сенокос, ребята старались вовсю. Даже старый Гафароглы и тот не остался дома; как бы рано ни пришел бригадир в правление, старик уже сидел на крыльце, ждал других, чтобы отправиться вместе со всеми в долину Пиркалем.

Но такой уж был у Касума характер — он и сейчас продолжал беспокоиться и суетиться, справедливо считая, что начать дело — хорошо, а хорошо закончить его — еще лучше.

Долина Пиркалем, зажатая между гор, походила на русло широкой реки. Она тянулась до самой границы лесов; сильный ветер вдоль долины колыхал высокую, густую траву, и казалось, полноводная зеленая река несет свои волны в зеленое море леса.

Косилки стрекотали и словно бы покачивались на этих волнах, как неуклюжие суденышки. Возле скал косили вручную. Жара плыла над долиной, вчера скошенную траву можно было уже убирать.

Гасан, снимая с потного лица прилипшие былинки, приставал к Касуму:

— Ну, теперь твоя душа довольна? А то одни упреки: упустим время, пропадет трава...

Касум, подбирая сено, пропущенное машинными граблями, ворчал:

— Смотри, что делается! Вон сколько оставили. Это же — золото, чистое золото!

— Я скажу своим школьникам, подберут, — успокоил его Гасан. — Ну, что бы ты делал без них, а?

— Это верно, — согласился Касум. — Вы нам здорово- помогаете. Нет, ты только взгляни, какая красота!

Зрелище и впрямь было прекрасным. Ветер чуть переменялся, и теперь по всей долине вздымались разноцветные волны: зеленые, фиолетовые, серебристые.

— Машаллах, — продолжал Касум. — В этом году трава росла не по дням, а по часам. Даже на камнях! Наконец–то скотина голодать не будет зимой.

— Ты о людях больше думай, сосед, — сказал Гасан. — Трава — она и есть трава. Вот где настоящая–то красота! — Он показал на цепочку школьников, равномерно взмахивающих граблями возле скалы. — Смотри, как; работают. А ведь хотели их в другую бригаду отправить. Я не позволил.

— Спасибо тебе.

— Да. Все—таки соседи. Если соседя друг другу не помогут, кто позаботится?

Гасан явно куда—то клонил разговор. Касум на всякий случай возразил:

— Ты не мне — колхозу помог. Коровы — колхозные. А я, веришь ли, даже вкуса их молока не знаю.

— Ну, ну, не прибедняйся. Ты в колхозе не последний человек, а в своей бригаде и вовсе первый. Получишь высокие надои — тебе благодарность. Да и не только благодарность, кое—что посущественнее, верно?

— Ох, жара! — сказал Касум, стараясь не дать возможности Гасану окончательно повернуть разговор в нужном ему направлении. — Попить бы... Губы пересохли. Да и перекусить пора.

И он быстро пошел прочь от Гасана к колхозникам, покрикивая на ходу:

— Перекур! Перекур!

Ему действительно очень хотелось пить. Идти до кустов колючки, где в тени стояла бочка с водой, было далеко, и Касум направился к одинокому карагачу, поднявшемуся среди камней. Здесь, вдали от людей, устраивался на отдых в эти дни Солтан, и бригадир решил, что у него наверняка припрятан где—нибудь под деревом кувшин с водой.

Горлышко кувшина торчало из травы возле карагача, Касум припал к нему, с жадностью глотая прохладную воду, и вдруг его словно кто—то толкнул под руку. Он даже поперхнулся. Рядом с ним стоял Солтан. Только сейчас Касум подумал, что не надо бы трогать кувшин; любой другой и внимания не обратил бы на такой пустяк, но от Солтана всего можно ожидать, лучше с ним не связываться даже по пустякам.

— Прости, сосед, — поспешил извиниться Касум. — Все горло эта жара высушила, думал, не доберусь до своей фляжки.

Вид у него был такой виноватый, будто Солтан застал его на месте преступления.

Он не ошибся. Солтан с мрачным презрением окинул Касума взглядом и резко сказал:

— Ты меня за человека не считаешь? Что я тебе плохого сделал? Пей себе на здоровье, хоть лопни!

Вот и пойми его. Правда, лучше не связываться. Не знаешь, как и подойти к нему...

Долина Пиркалем мало—помалу замирала. Затих стрекот машин, звуки косовицы: мягкое вжиканье кос о траву, резкое — о точильные бруски. Отирая лица, все спешили укрыться в тень кустарника. Как будто обрадовавшись долгожданной тишине, отовсюду слетелись жаворонки и свиристели, запели, заиграли, но вскоре и они умолкли, видно, не выдержав зноя. Ветер ослаб. В воздухе пахло травой и потом.

Солтан, сняв с ветки карагача узелок, развязал его, достал лепешку и кусок сыра, разломил их пополам, молча протянул Касуму. Тот хотел было отказаться, но не посмел, подумав, что сосед опять разобидится. Молча они жевали нехитрый свой обед, запивая его по очереди водой из кувшина.

— Гостей принимаете, соседи? — раздался знакомый голос, и Гасан присел возле них. Касум обрадовался; сидеть молча наедине с Солтаном оказалось тяжело. Гасан — человек легкий, слово за словом, глядишь, и разговорится Солтан. Тогда бригадир сумеет улизнуть и от

одного, и от другого. Но Гасан нарушил его планы, раскрыв сумку, которую принес с собой.

— Э! — сказал он укоризненно. — Что вы, как в войну, сухари жуете!

Из сумки он достал чистую тряпицу и принялся раскладывать на ней все, чем снабдила его жена: сочные куски баранины, огурцы, свежее масло в баночке, лаваш. Из термоса разлил по кружкам дымящийся чай.

Касум встал. — Куда? — спросил Гасан.

— Да я вроде бы... — начал Касум, Намереваясь сказать, что он уже наелся, что дел у него по горло, но вместо этого закончил неожиданно для себя: — ...Вроде бы тоже должен свой обед принести.

— Мало тебе, что ли? — спросил Гасан, показав на свои припасы. — Пока будешь ходить — чай остынет.

— Нет, я быстро, — сказал Касум. Не хотелось ему сегодня угощаться за счет Гасана, чувствовал он, что неспроста все это.

— Ладно, — согласился Гасан. — Только я сам схожу, все-таки помоложе тебя, а, дядя Касум?

Он торопливо слил чай обратно в термос и заспешил к кустарнику, где оставляли обычно свои узелки с едой косари.

Солтан, пока соседи спорили, молча лежал на спине и, казалось, дремал. Касум тоже лег, подложив руки под голову. Но Солтан только глаза закрыл, отдыхая, а Касум, едва вытянулся на земле, как тотчас и захрапел.

Солтан, услышав переливистый храп, открыл глаза и в изумлении уставился на бригадира: не мог поверить, что человек может так быстро заснуть. Сам он ночью ворочался с боку на бок, устраивался так и этак, но сон не шел. Когда-то на фронте он мечтал выспаться, засыпал, как проваливался — в снегу, примерзая щекой к окованному прикладу автомата, в гнилой болотной воде; думал, если вернется живой, будет отсыпаться целый месяц без перерыва, днем и ночью. Но вернулся, и началась бессонница.

— Касум, ты спишь?

В ответ раздалось булькающее бормотанье.

Выражение лица у Касума во сне было одновременно детское и мудрое; отлетели прочь все заботы, которые постоянно терзали бригадира, разгладились складки. Солтан неумело улыбнулся, покачал головой:

— Эй, проснись! Ты — потный, нехорошо спать на земле, простудишься!

Касум не откликнулся. Солтан снял с ветки карагача свой старый пиджак, в котором ходил на работу, прикрыл им спящего бригадира, а сам сел рядом, обняв колени.

Когда-то, еще мальчишками, они забрались далеко в горы и не успели вернуться засветло. Решили заночевать в лесу. Разожгли костер, было страшновато, Касум и Осман откровенно трусили, но все-таки усталость взяла свое, они уснули, а Солтан просидел вот так же, обхватив колени, всю ночь, подбрасывая в костер сучья, хотя спать ему хотелось отчаянно. Он тогда был у них за главного, ребята его слушались, и он чувствовал свою ответственность за них;..

Жара совсем разморила Солтана. Лениво он наблюдал за ящерицей, которая ползла вверх по скале, возле которой рос карагач, за ястребом на его вершине, развернувшим крылья, лениво думал: «Сейчас схватит ее...» И точно: ястреб сложил крылья, скользнул вниз, схватил когтями ящерицу, на лету несколькими ударами клюва умертвил ее, снова сел на вершину дерева и принялся рвать добычу. Солтан поискал возле себя камень, нашел, хотел запустить в птицу, но камень был теплый, и он почему-то не стал кидать его. Солтан засыпал. Засыпал среди бела дня! Он знал, что через минуту растянется возле Касума и тоже будет спать так же сладко. Неужели подействовал на него сонный храп бригадира?

Голова Солтана склонилась на грудь, он дремал. И вдруг услышал тихое, далекое:

Лучше бы милого я не имела, Мы так в разлуке страдаем. Нет, лучше бы не было разлуки: Она для меня, как смерть...

Пели женщины, отдыхающие в кустарнике. Солтан мог поклясться, что различает среди их голосов так хорошо знакомый ему голос Сенем. Это была любимая ее баяты. Бывало, расставаясь с Солтаном, она всегда напевала грустно: «Лучше бы милого я не имела...»

Солтан мгновенно стряхнул с себя дремоту. «Издевается, что ли? — подумал гневно. — Или умом тронулась, старая?»

— Вот и я! Ох, умираю с голоду! — Гасан рысцой подбежал к ним. — Касум, вот твой обед. Касу-ум!

— Что? Где? Что случилось? — Касум вскочил как ужаленный. — Ну чего ты орешь? Такой интересный сон видел — не дал досмотреть.

«Это надо же! — поразился про себя Солтан. — Только глаза закрыл — и сразу сны...»

— Что снилось-то, дядя Касум? — игриво подмигнул Гасан. — Небось бабенка славная, больно жалеешь, что разбудили.

— Э, э, какая там бабенка. Это у тебя на уме бабенки, ты — молодой. А мне снилось, будто мой младшенький, Керим, на большого человека выучился, к себе зовет жить в город, машину за нами прислал. Выходим мы со старухой из машины, а нас с оркестром встречают...

— Все так и будет, дядя Касум! — серьезно сказал Гасан. — Насчет оркестра не уверен, а в остальном — точно. Твой Керим, что его ни спроси — соловьем заливается, лучший наш ученик. Я его своим оболтусам всегда в пример ставлю.

Приговаривая так, Гасан без дела не сидел, как будто к свадьбе готовился: раскладывал снесь, придвигая куски побольше и посочнее к Касуму. Оглянувшись по сторонам, достал из сумки бутылку.

— Нет, нет, — запротестовал Касум. — Ни к чему. Нам еще работать, да и жара...

— Ты же не знаешь, что это! — засмеялся Гасан. — Живая вода. Министерский товар. Такую только министры пьют. Кизиловая! Мне ее по великому благу достали. Полгода стояла, не трогал. А сегодня не выдержал, ради такого случая: когда еще мы, соседи, вместе соберемся!

Солтан, до сих пор безучастно сидевший в сторонке, вмешался:

— Чего ты из себя девочку строишь? Человек от души предлагает, уважение оказывает по-соседски.

«Знаю я его уважение!» — подумал Касум, но, заметив насмешливый взгляд Солтана, устремленный на учителя, понял: тот сообразил тоже, что Гасан старается не зря. И если раньше у бригадира не было уверенности, что он устоит против соблазна, то теперь он, сглотив подступившую при виде бутылки слюну, решительно возразил:

— Не буду!

Гасан сокрушенно поцокал языком. и потянулся к бутылке, чтобы спрятать ее обратно в сумку, но Солтан опередил его:

— Я же не отказываюсь! — сказал он, перехватывая бутылку у растерявшегося учителя.

Гасан едва не стонал, глядя, как наливает себе в стакан драгоценный напиток сосед, да при этом еще ухмыляется криво, презрительно.

— Может, хватит? — не выдержал Гасан, когда стакан наполнился наполовину. — Работать не сможешь.

Солтан долил стакан до краев и лишь тогда ответил:

— Не беспокойся. Она, проклятая, меня не берет... Наджаф! — крикнул он проходившему поодаль колхознику. — Иди сюда!

Колчерукий Наджаф поспешил к нему.

— Садись! — сказал Солтан. — Вот учитель угощает по-соседски.

Он разлил оставшуюся водку в стаканы, подвинул их Гасану и Наджафу.

— За бригадира! — поспешно поднял свой стакан Гасан, боясь, что его опередят и он лишится последней возможности оказать уважение Касуму.

Солтан молча выпил, встал и, не оглядываясь, зашагал к карагачу, возле которого была воткнута в землю коса. Он взял ее и принялся за работу. Движения у него были такие резкие, что, казалось, он не косит траву, а срывает на ней все зло, накопившееся в нем.

Недаром он старался держаться подалеже от людей. Стоило Солтану расслабиться, разговориться с ними, как тотчас же начинались неприятности. Словно бы сговорившись, все старались побольнее задеть его. Вот и эти... Младшенький, старшенький... С оркестром их, видишь ли, будут встречать. Сами темные делишки собирались за бутылкой решать — это он сразу сообразил, а детей своих на больших начальников учат. Был бы у Солтана сын — он бы его человеком воспитал. Большим человеком, это главное! Разве они могут? Или не хотят? Им важно, чтобы дети большими начальниками стали. Но они-то воспитают, выучат, а он — нет!

Трава с шипеньем падала перед Солтаном, он уходил по свежей, возникающей перед ним стерне, как по дороге.

Между тем, Гасан, дождавшись, когда Наджаф отошел, подсел поближе к Касуму.

— Слушай, ну как же? Сделаешь?

— Чего?

— А-а, совсем мне этот старый бандит голову задурил. Я и не сказал тебе... Ты мне машину травы дашь?

— Чего ты у меня спрашиваешь? Правление тебе разрешило.

— Э, э, это не та трава... Ее даже верблюд не станет есть. Настоящее сено только здесь, на Пиркалем. Не сено, а каша с маслом.

Касум уже шел прочь от соседа, тот догонял его, на ходу уговаривая:

— Я в долгу не останусь.

— Не имею права, дорогой.

— А школьников я имею право на сенокос тащить? Они только-только с занятиями разделались, а я уговорил!

Касум взял косу и двинулся вслед за Солтаном, далеко ушедшим вперед. Гасан тоже взял косу. Колхозники в тени кустарника смотрели на них с удивлением, не понимая, почему так быстро кончился перерыв.

— Ты не хуже меня знаешь, — сказал Касум. — Сено отсюда только телятам идет. И то не всем, а породистым.

— У меня как раз породистый...

Касум так быстро работал косой, стараясь поскорее избавиться от настырного соседа, что не заметил камня в траве; коса со скрежетом ударила в него и, соскользнув, едва не угодила по ноге Гасану.

— Слушай, отойди! — закричал Касум, не на шутку испугавшись и рассердившись. — Без ног останешься!

Некоторое время Гасан косил молча, держась позади Касума и выжидая момента. Наконец Касум остановился, достал из кармана брусок и принялся точить косу. Гасан тотчас догнал его и тоже вынул брусок.

— Если бы ты мне одну машину сена дал... Да еще одну я на покосе соберу. Тогда, пожалуй, и додержу скотину до весны, — проговорил он, словно в раздумье. — Тебе хорошо, у тебя дети взрослые, а у меня малышня. Им без молока никак нельзя.

Касум с ожесточением шаркал бруском по косе, стараясь заглушить голос соседа.

— Вот ты мне чуть ногу не порезал, — продолжал напирать Гасан. — Сколько лет косишь, а просчитался. Ты подумай, какая ответственность на мне за школьников. Случись с ними что-нибудь — с меня голову снимут. Не сообразил я раньше.

Касум сказал ласково, чтобы не закричать на Га-сана, не взорваться, как взрывается Солтан:

— Дорогой, вспомни: сколько раз ты приходил ко мне с просьбами по-соседски. Отказывал я тебе когда-нибудь? Сено не мое, колхозное. У тебя ответственность за школьников, а у меня за сено. Ну, хорошо, я дам. Люди узнают. Кто отвечать будет? Я! Вон Солтан, по-моему, уже догадался.

— Солтану наплевать на меня и на тебя. У него свои заботы.

— На меня и на тебя — это верно. Вот и сообщит куда надо. Разве его поймешь?

Гасану показалось, что бригадир начинает сдаваться, и он поспешил заверить:

— Если только Солтана боишься — не беспокойся. Вечерком к нему зайду, обо всем договорюсь.

Касум почувствовал, что все у него внутри мелко–мелко дрожит, а в глазах темнеет.

— Отойди! — сказал он. — Прошу тебя по–хорошему: отойди!

Гасан пожал плечами, улыбнулся. Все шло как положено. Очень уж горячий народ эти старики. Кричать начинают с первого раза. Понять их можно: война, трудная жизнь. Но и сдаются они быстрее, нервы не выдерживают. Еще два–три таких разговора, и Гасан получит сено из долины Пиркалем. Он не сомневался в этом. * * *

Солтан давно собирался в город. Особых дел у него там не было, просто неудержимо захотелось вырваться хотя бы на день из села, где он провел в одиночестве полгода, хлебнуть глоток свежего городского воздуха. Думал, вернется в родное Гарагоюнлу — вернется к людям. Нет, и здесь он был один. Его снова тянуло куда–то.

Касум не хотел отпускать его с сенокоса. Уговаривал и так и этак. Сначала на сознательность нажимал: нынче, мол, каждый день и каждый человек на счету, дожди зарядят — сгниет сено. Потом сказал, понизив голос:

— Сегодня там и заночуем, чтобы времени не терять. Гасана на бутылку накроем, у него, наверное, не одна...

— Тебе эта бутылка дорого будет стоить, не понимаешь, что ли?: — отозвался Солтан.

— Понимаю, — вздохнул Касум.

— Мир меняется, а, Касум? Бригадир вспомнил мудреца Меси.

— Мир все такой же. Мы меняемся.

Может быть, Солтан и остался бы, если бы не боялся новой встречи с Сенем: ведь она тоже останется там, в долине Пиркалем... И, как всегда, когда он не знал, как ему поступить, на помощь пришла злость.

— Да уж, — сказал он. — Хорошо, хоть понимаешь.

И сразу все стало просто. Бригадир, опасливо взглянув на Солтана, отошел.

На попутной машине Солтан вернулся домой.

Сирота, всегда встречавший хозяина радостным лаем, молчал.

«Шляется где–нибудь, — подумал Солтан. И вдруг кольнуло: — А может, сбежал?» — Он пронзительно свистнул. Откликнулись все собаки Гарагоюнлу, но Сирота не отозвался.

Странно, но Солтан чувствовал, что пес где–то рядом. И, действительно, не успел Солтан войти в дом, как из кустов неподалеку высунулась морда Сироты. Пес смотрел на хозяина, чуть склонив голову, но не подошел, даже когда тот вновь позвал его. А потом появилась из кустов еще одна собачья морда, и Солтан все понял. Сирота справлял свою свадьбу.

Некоторое время собаки внимательно разглядывали человека, потом Сирота выбежал из кустов, бросился к хозяину, ласкаясь, и вновь устремился к своей избраннице. Остановился, посмотрел на Солтана, повизгивая, призывая идти за ним. Пес звал его на свою свадьбу! Приглашал полюбоваться на невесту... Оценить выбор.

Выругавшись, Солтан поднял камень и швырнул в кусты. Раздался жалобный визг, Сирота, тоже взвизгнув, как будто камень попал в него, тотчас скрылся с глаз.

«Вот так–то, брат, — сказал Солтан сам себе, войдя в дом. — Они будут воспитывать детей и

внуков, а ты кого? Собачьих ублюдков?»

В доме было не прибрано, как всегда, да еще протянулись по полу от порога грязные следы. Он с недоумением покосился на них, выглянул в окно. Поблескивая водой, цепочка следов тянулась через весь двор. Там, где стоял он, ожидая собаку, скопилась целая лужица.

Не раздумывая, Солтан взял топор, срубил сухой сук у яблони, вытесал пробку и, подойдя к колонке, несколькими ударами топора загнал деревяшку в трубу, откуда с шумом хлестала вода.

За ведром воды раз в два дня можно спуститься в село, а вот каково теперь придется соседям? Пусть побегают, вверх–вниз с ведрами, пока не надоест, может, тогда и вызовут мастера.

Несмотря на то, что Солтан решил идти в город спозаранок, спать он пока не собирался. Все равно пришлось бы ему лежать и час и два, а может, и все три, не сомкнув глаз. И что только в эти бессонные часы не лезло в голову! Иногда он спрашивал себя: что тебе надо? Лучше было бы, что ли, если бы просидел всю жизнь в Гарагоюнлу, копался бы день за днем в поле, да на огороде, ругался бы с женой из–за лопаты, брошенной во дворе, или таза, подвернувшегося под ноги? Сколько односельчан прожили так. Сами же говорят: вчера родились, завтра уже помирать. Все в один день слилось. А он, Солтан, мир повидал. Всю страну исколесил, из города в город, со стройки на стройку. В какие только переплеты не попадал, чего не перепробовал. И горького и сладкого. Жизнь годами меряют, а надо бы иначе. Если иначе, так он не одну, а три прожил, не пятьдесят ему, а сто пятьдесят. Может, и Сенем здесь ни при чем, может, просто устал он от жизни, как устают глубокие старики...

И так у него выходило все кругло, что оставалось лишь пожалеть соседей, всю жизнь прокопавшихся в земле. Только почему же тогда раскаленным углем жгла душу обида, стоило ему подумать о Сенем, об Османе и Алыше? Почему, как только начинает смеркаться, он уже мечется в злобе по дому в ожидании воркующего голоса Османа: «Ох, сынок, балуешь ты меня...»

Вот и сейчас он начал метаться. Снизу уже напал запах жареной рыбы. Вот–вот послышится разомлевший голос Османа...

Но тут послышались совсем другие голоса. Возле колонки кричали соседки, пытаясь вытащить пробку, забитую Солтаном:

— Это он, бандит старый! — разорвалась Хатыи Арвад. — Больше никому!

— Может быть, Гасан? — неуверенно спрашивала жена Касума.

— Гасан с покоса не возвращался! Вот и получается: мужиков наших угнали на покос, а тут делай, что хочешь, и заступиться никому!

«Сколько крику в одной женщине!» — подумал Солтан равнодушно.

— Сосед! — Хатын Арвад подскочила к самому окну, и теперь ее пронзительный крик вонзался в уши Солтана. — Зачем закрыл воду? Ну–ка выходи!

«Сколько крику в одной женщине и еще остается место для наглости!» — подумал Солтан,

— Прошу тебя, не связывайся с ним! — умоляла жена Касума. — У меня два полных ведра стоят. Возьми...

Солтаи возник на пороге своего дома и молча уставился на Хатын Арвад, скрестив руки на груди. И было что–то в его облике, в горящем презрением взгляде, в костлявом

широкоскулом лице, в небрежно расстегнутой рубаше, обнажавшей седую шерсть на груди, что заставило Хатын Арвад испуганно отступить.

— Дядя, открой, пожалуйста, воду, — тихо попросила она.

Солтан покачал головой.

— Нет. Сходите за мастером, пусть поправит колонку.

Он повернулся и скрылся в доме, не слушая, что вслед ему кричат женщины.

Спать он лег поздно, утром, как всегда, проснулся разбитый, но мысль о том, что сегодня он побывает в городе, быстро взбудрила его. Автобуса Солтан не стал ждать, добрался до города попутной машиной, сунув шоферу пятерку вместо трояка: деньги он, привыкший за долгие годы к шальным заработкам, считать не любил.

Солтан бродил по городским, улицам, заходил в магазины, кое-что покупал для хозяйства, но все по мелочи: много ли ему одному надо? Да и не было здесь ничего такого, что не лежало бы на полках сельпо.

Но лишь оказавшись в магазине, где на прилавке под стеклом сверкали золотом и серебром часы, брошки, серьги, он понял, что заставило его сегодня, бросив все, отправиться в город. Он приехал за бусами!

Они тоже лежали под стеклом. Разные. Перламутровые, зеленые, прозрачно-желтые. Солтан искал фиолетовые, похожие на те... Были всякие, но таких не было. Он спросил продавщицу. С сомнением оглядев невзрачный костюм Солтана, она достала нехотя из-под прилавка красивую коробочку, раскрыла ее, и Солтан вздрогнул. Перед ним на черном бархате лежали его бусы, только новые и переливающиеся каким-то внутренним светом.

— Сколько? — спросил Солтан.

Продавщица с улыбкой поднесла к его глазам маленький картонный квадратик, свисающий на нитке с коробочки. Он увидел крупную трехзначную цифру, обрадовался и опечалился одновременно. Больше всего он боялся, что бусы окажутся дешевыми Стекляшками, как те. Однако на такую цену он не рассчитывал, таких денег у него не было. Ничего, он накопит и снова приедет за бусами. А потом извинится перед Сеием за грубость и отдаст ей коробочку, оборвав нитку с картонным квадратиком. Нет, просто вынет бусы и протянет ей, сказав смиренно: «Прости, Сенем, за грубость. Я достал их со дна озера...»

И это будет месть! Конечно, в конце концов Сенем узнает стоимость бус, и не станет ей с той минуты покоя.

Пообедав, он вышел на городскую площадь и остановился в раздумье, не зная, куда отправиться: сразу ли домой, в село, или завершить день здесь. Выпитое вино немного кружило голову, и когда он увидел на другом конце площади толпу, то направился именно туда.

На площади разместился передвижной зверинец. Наверное, в этом городе появился он впервые: люди восторженно разглядывали диковинных животных, ахали, задирая голову перед жирафой, хохотали над уморительными гримасами обезьян, забравшихся на большую пальму... Но больше всего людей толпилось вокруг бассейна, возведенного на площади из труб и пластика. Сначала Солтан, проталкиваясь в первые ряды, подумал, что люди дивятся самому бассейну, легкости его конструкций, но толпа неожиданно ахнула и раздалась. Солтан увидел, как взбурлила вода в бассейне: со дна медленно поднималось огромное, как бревно, чудовище. И вот уже над поверхностью появилась отвратительная пасть, полная

кабанных клыков. Чудовище с лязгом закрыло челюсти, снова широко открыло их, обнажив глубокую, как пещера, глотку. Толпа, окружившая бассейн, шарахнулась в стороны, передние отступали, задние, наоборот, стремились протиснуться вперед, подгоняемые любопытством. Стоявший возле Солтана высокий мужчина в шляпе насмешливо крикнул:

— Эй! Чего испугались? Крокодила никогда не видели?

— Это аджаха-а! Аджаха-а! — ответили из толпы потрясенные голоса.

— Какой там аджаха. Обыкновенный крокодил. Нильский крокодил. Такие в некоторых странах сотнями в реках живут...

Солтан вдруг явственно ощутил на себе пристальный взгляд животного. Крокодил смотрел на него в упор, словно бы хотел что-то сказать, что-то понятное им одним. Солтан не испугался. Его тянули от бассейна за рукав, кричали чуть не в ухо: «Отойди! Видишь, он на тебя уставился. Отойди, дурной!» Он не отходил, чувствуя, что и он должен что-то сказать чудовищу, но не в силах этого сделать, как и оно.

— Отойди, гражданин! — раздалось у Солтана за спиной повелительное, и на этот раз он посторонился. Мужчина в синем халате встал на его место, вытащил из корзины, которую держал в руках, большую рыбину и бросил ее прямо в раскрытую пасть крокодила. Челюсти сомкнулись и тотчас вновь раскрылись. Рыбы в пасти не было. Одна за другой летели в страшную пасть рыбины, корзина опустела, а крокодил все держал пасть открытой.

— Вот ненасытная утроба! — засмеялся мужчина в синем халате. — Нету больше, понял? Разве на тебя напасешься?

Вот-вот Солтан должен был понять, что он хотел сказать чудовищу, но в это время мужчина в халате произнес:

— Здорово, Солтан! Не узнаешь, что ли?

— Нет... Неужто Гусейн? — удивился тот, — Откуда ты взялся?

— Это я тебя должен спросить.

С Гусейном они не виделись вечность. Солтан даже удивился, что они узнали друг друга. И в молодости Гусейн был не слишком красив: огромный нос нависал над верхней губой, на правой щеке торчала крупная бородавка; время, конечно, не украсило его — нос покраснел, бородавка расплзлась на всю щеку. Но именно по этим особым приметам и узнал его Солтан.

За те полгода, что провел он в селе, Гусейна вспомнили лишь однажды. Слышал — как-то Солтан такой разговор: мол, подался Гусейн из села в результате грязной истории. Обманом, по пьяному делу выменял у инвалида единственное его богатство — золотые часы, награду командира дивизии за мужество в боях. В селе с Гусейном перестали здороваться, девушки, хотя и мало тогда было женихов, завидев его, отворачивались.

— Ты что теперь делаешь-то? — спросил Солтан.

— Разве не видишь? Сторожем у этих вот крошек, — Гусейн кивнул в сторону бассейна, в котором погружался медленно на дно крокодил, понявший, что больше не дождетя рыбы.

— Их что, много у тебя? — спросил Солтан небрежно, но внутренне весь напрягшись.

— Такой один. А еще есть детеныши. Да с ними забот немного, никуда не денутся. С обезьянами морока, того и гляди сетку перепрыгнут.

Солтан невольно посмотрел в ту сторону, где скакали по дереву, обнесенному сеткой, обезьяны. Возле обезьянника теперь никого не было, все толпились у бассейна. Гусейн, перехватив взгляд Солтана, ухмыльнулся:

— Называются знаешь как? При–ма–ты!

Гусейн важно поднял указательный палец, выпачканный рыбьей слизью.

— Это значит, самые первые, самые главные... Тьфу!

— Жратвы на них уходит, — вздохнул Солтан. — Страшное дело. Все село можно прокормить.

— Не говори! — охотно согласился Гусейн. — Иной раз прямо зло берет: такая закуска!

— Ты бы с крокодилами на троих соображал, — засмеялся Солтан. — Вино — твоё, закуска — их.

— Так и делаем, — самодовольно сказал Гусейн. — На все хватает: и на вино и на закуску. Стал бы я тут ошиваться...

— Слушай, а эти детеныши большие? — спросил Солтан, вспомнив, как уставился на него крокодил, словно пытаясь что-то спросить, и как сам смотрел на чудовище с неммым вопросом,

— С Метр, наверное.

— И тоже рыбу жрут?

— Все жрут. Не гляди, что маленькие, друг друга и то проглотить готовы.

— Сколько, к примеру, рыбы в день ему надо?

— А черт его знает! Сколько ни дашь — все мало. Тебе-то зачем?

— Просто так, — задумчиво сказал Солтан.

— А то ко мне одна дамочка из Баку приставала: продай да продай! — проговорил Гусейн. — Буду, мол, его вместо собачки держать. Мода такая за границей. Большие деньги предлагала.

— Ну и как? — спросил Солтан, почувствовав, как гулко толкнулось в груди сердце.

— Не вышло, — с сожалением вздохнул Гусейн. — Ветеринар в отпуске был, без него акта не составишь.

— Ох, и гад же ты! — невольно вырвалось у Солтана. С трудом он удержался, чтобы не схватить Гусейна за вислый, бананом, нос, не дернуть вниз изо всех сил, чтобы раздался рев пострашнее звериного. Гусейн то ли понял эти слова как восхищенную оценку его способностей, то ли сам был не из робкого десятка, подмигнул:

— А ты думал!

И, расхохотавшись, добавил:

— Мол-сет, в нашем Гарагоюнлу нужен кому крокодил? А? Вместо собаки? Ветеринар вернулся, акт составим. Недорого возьму с земляков.

— Трепло ты, Гусейн! — заставил себя усмехнуться Солтан. — Ладно, прощай... Отсюда куда поедете?

— В соседний район, — ответил Гусейн. — Культуру нести в массы.

Все это время Солтан стоял, щупая четвертную в кармане, и думал, что надо бы закрепить разговор с Гусейном. Так... На всякий случай... Купить бы в самом деле да запустить в озеро аджаху, чтобы он там всю рыбу сожрал, какая есть! Такой подберет вчистую, ни одной Осману не оставит!

Хмель у Солтана постепенно прошел, площадь он покинул чуть ли не бегом. Долго стоял на автобусной остановке и отплеывался: «Э, э, совсем плохой человек. И я с ним совсем плохой стал... Какое у него прозвище было в селе? А-а, вспомнил: Гусейн-гиена! Самое место ему в зверинце!» * * *

Говорят, каждая пора жизни имеет свои преимущества. В старости к человеку приходит мудрость.

К Гафароглы мудрость, похоже, не пришла. Нежился бы он сейчас на лавочке возле правления, где проводил обычно большую часть дня, размышляя о скоротечности всего сущего, важно кивал бы на почтительные приветствия прохожих, вел бы неторопливую беседу с белоголовыми, как сам, стариками, учил бы уму-разуму внуков...

А вместо этого Гафароглы, хрипя, задыхаясь, тяжело переступая с ноги на ногу, шел с косой по лугу-вслед косарям. Сначала держался, даже сердился: «Давай, ребята, нажимай, пятки обрежу!» Его жалели, из уважения косили помедленнее, чтобы Гафароглы не отставал, но мало-помалу втянулись в общий ритм, забыли про старика, и теперь- он в одиночестве, далеко позади всех, бессильно шаркал косой, уже понимая, что этот покос для него — последний, но не желая сдаваться. Никто не сказал ему: «Слушай, Га-фарйглы, не по годам работа...» Все посчитали естественным, что старик пришел вместе с молодыми. Наоборот, если бы не пришел — это сразу было бы замечено. В Гарагоюнлу привыкли, что ни одно серьезное дело не обходится без Гафароглы. Давно уже не был он председателем — возглавлял теперь колхоз его сын, Алекпер, образованный и дельный человек, но для села старик оставался все тем же Гафароглы, которого оно знало на протяжении многих лет. Даже Алекпер, хотя и считал блажью решение отца отправиться вместе со всеми на покос, не стал возражать.

Впрочем, с того самого дня, как Алекпера избрали председателем, они вообще старались не вмешиваться в дела друг друга. Даже зная порой, что сын не прав, старик отмалчивался, советы никого еще не научили жить, учит сама жизнь...

Так он и отвечал тем, кто обращался к нему по старой памяти с просьбой подсказать Алекперу верное решение.

Никто не знал о разговоре, который произошел между Гафароглы и Алекпером через год после того, как он стал председателем. «Отец! — сказал тогда Алекпер. — Ты знаешь, как я тебя уважаю. Ты научил меня многому. Спасибо. Но я никогда не стану настоящим руководителем, если и дальше буду смотреть на все твоими глазами! Скажи, разве я неправ?» Гафароглы долго думал, прежде чем ответить, но зато голос его не дрогнул, когда он произнес, наконец: «Ты прав, сынок! Мир меняется. Меняют его не старики, а молодые. Так всегда было, так всегда будет. Иначе жизнь остановится».

...Старик совсем выдохся. Болел бок. Ему очень хотелось лечь, вытянуться на охапке свежескошенной травы, дать отдых усталому телу, но, словно боясь, что не сможет подняться, он остался на ногах — стоял, опираясь неловко о косу. Бок болел все сильнее. Гафароглы ощупал его: пальцы скользнули по рукоятке плети, заткнутой за пояс. Ножка

косули — рукоятка — уткнулась копытцем в тело, мешала двигаться. Гафароглы в который раз выругал себя: пора бы перестать форсить, ни к чему плетть, давно уже не садился в седло и вряд ли сумеет сесть. Но, выругавшись, знал, что все равно не сумеет отказаться от старой своей привычки. Расстаться с плетью было выше его сил. Это значило бы, что Гафароглы уже не сможет вдеть ногу в стремя. Это значило бы, что Гафароглы уже не мужчина.

Ветер, все эти дни гулявший вдоль долины Пир–калем, нагнал тучи и стих. Было душно и влажно. Ласточки стригли воздух над самой землей. Собирался дождь. Успеть бы сгрести сено, пока он не пришел...

Но косари уходили все дальше и дальше, словно не замечали ни туч, низко нависших над долиной, ни душной предгрозовой тишины, нарушаемой лишь стрекотом сенокосилок. Старик приложил ладони ко рту и закричал. Никто не услышал его. Он крикнул еще и еще — безрезультатно. Тогда он, преодолев усталость и слабость, зашпешил на край луга, где уже едва различались фигурки косарей. «Будто и не в деревне родились! — в который раз горестно удивлялся он неповоротливости односельчан. — Будто их не касается...»

С опаской поглядывая на клубившиеся тучи, старик доковылял, наконец, до Касума, отставшего от других, крикнул издали:

— Бригадир! Ты что, не видишь, зальет сейчас все!

— Вижу! — откликнулся Касум. — Председатель приказал косить — дождь не дождь — все равно. Потом, говорит, высушим... Торопит. На других лугах трава ждет.

— Ну вот что! — В голосе Гафароглы зазвенели давно забытые нотки. — Кончайте косить, сгребайте сено!

Касум стоял перед ним в растерянности.

— Слушай, Гафароглы, — наконец сказал он. — Ты же понимаешь: это не дело; Алекпер — председатель, не могу я его распоряжения отменять. Ты был председателем, я тебе подчинялся, никогда не отказывался, разве не так? Все в мире меняется, Гафароглы!

Если бы Касум не произнес последних слов, старик, возможно, продолжал бы настаивать, но он вспомнил свой разговор с сыном и те же слова, только чуть измененные, которыми тогда Гафароглы сам же и закончил разговор: «Мир меняется. Иначе жизнь остановится». Ну что ж, так тому и быть...

Он почувствовал сильную слабость и на этот раз не удержался, опустился на землю. Опять заболел бок — рукоятка плети напомнила о себе. Но не было сил, чтобы поправить ее.

— Эй! — забеспокоился Касум. — Ты что? Ты что, председатель? — от волнения Касум даже назвал старика по-прежнему.

— Ничего. Устал. Пройдет, — ответил Гафароглы.

Касум суетился возле него, подкладывая охапку травы, а старик, закрыв глаза, приходил понемногу в себя, испытывая странное чувство: все это было... давно, много лет назад. Так же сидел он на земле, и Касум беспокойно возился возле, помогая, поддерживая.

...Тогда он не мог даже слезть с коня, сидел, бессильно склонившись к гриве. Подбежавшего Касума попросил: «Помоги».

— Людей позову! — всполошился Касум, помогая ему спуститься на землю. —

В это время из дальнего конца села раздался такой страшный крик, что конь шарахнулся в

сторону, едва не сбив при этом людей. Пронзительный крик, прерываемый рыданиями, повторился.

— Гюльсум! Ее голос! — проговорил Касум в тревоге.

— Скачи туда, узнай, что случилось, — приказал Гафароглы.

— А ты?

— Ничего, не помираю же я...

Касум, поскакал. На крик уже бежали люди со всего села, но, увидев председателя, бессильно сидящего на земле, останавливались в растерянности. Касум вернулся быстро.

— На сына Гюльсум похоронка пришла, — сказал он тихо. Женщины, окружившие Гафароглы, заплакали.

— Подведите коня поближе, — попросил он.

Все вместе ему помогли забраться в седло. Конь, угадывая желание хозяина, медленно понес его к дому Гюльсум. Касум шел рядом, держась за седло, время от времени спрашивая: «Как?» — «Хорошо», — отвечал Гафароглы. Касум видел, как ему худо: лицо — белое, в синеву, по лбу капли холодного пота текут. Женщины всхлипывали. Гафароглы повернулся к ним.

— Дети смотрят, — сказал он. — Не надрывайте им души. Война кончается. Вы же за три года многому научились...

Мать Солтана, вытирая слезы, ответила:

— Верно, научились. Хоронить сыновей в своих сердцах. Сердца наши в кладбище превратились. Наши дети там лежат. А теперь ты и оплакивать их не даешь...

— Прости, — сказал Гафароглы. И больше не проронил ни слова, пока конь не остановился перед домом Гюльсум. Она лежала ничком на пороге. Увидев толпу, вскочила, с рыданиями обвила руками шею коня, на котором сидел Гафароглы.

— Дом мой обрушился, о люди!

Гафароглы, перевалившись через седло, осторожно опустился на землю. Женщина теперь повисла на нем.

— Гюльсум баджи, ан Гюльсум баджи, — говорил он, едва удерживаясь на ногах.

— Дом мой обрушился! Свет мой погас! Спина сломалась, ай, Гафароглы! — рыдала женщина.

— Гюльсум баджи, ай Гюльсум баджи, — повторял он, словно забыв все другие слова. По лицу его текли слезы — от слабости или от жалости, Гафароглы и сам бы не ответил. Ему нельзя было плакать, он вспомнил об этом слишком поздно. Три с лишним года он держался, зная, о чем говорят в селе: председатель заплачет — значит, война никогда не кончится! Теперь все с ужасом смотрели не на Гюльсум, а на него. Но он уже и говорить не мог. Женщины подхватили его под руки, уложили, расстегнули бешмет. Из кармана выпал конверт — точно такой же, какой сжимала в руке бедная Гюльсум. Кто-то решился заглянуть в него. Точно такая же бумажка: «...пал смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей Родины». Только имя другое — имя старшего сына Гафароглы... * * *

...Над долиной Пиркалем прогремели раскаты грома. Касум заметался.

— Может, и правда, начать сгребать, а?

— Поздно теперь, — ответил Гафароглы.

И в самом деле было уже поздно. Упали первые капли дождя. Касум бросился к косарям с криком: «Сгребайте, быстрее сгребайте». И тут же хлынул ливень. Дождь был теплый. После удушливой жары он приятно освежал кожу. Гафароглы сидел съезжившись, будто по его телу сбегали ледяные струи. Парни и девушки, косившие и убиравшие траву, бросив работу, с хохотом и визгом носились по лугу, запрокидывая лица к небу, ловили открытыми ртами дождевые потоки. Все сразу промокли. Парни сняли рубашки. Платья у девушек прилипли к телу, казалось, что они — голые. Под жадными взглядами парней толстушки кокетничали, стыдливо отворачивались, а худощавые старались незаметно оттянуть мокрую одежду, подчеркивающую их худобу. Кто-то из ребят запел:

Я хочу любить тебя всю жизнь,

День за днем, месяц за месяцем.

В горах цветов расцвел.

Красным горит огнем...

И снова хохот, возбужденные крики:

— Девчонки, не дайте пропасть человеку, сгорит!

— Гасите его, гасите!

Схватив мокрые рубашки, пучки травы, с которых стекала вода, все принялись гоняться за парнем, шлепая его по плечам, по спине. Напрасно Касум пытался урезонить молодежь: его не слушали, кто-то, разыгравшись, даже его шлепнул мокрой рубашкой по спине. Касум с трудом удержался от того, чтобы не включиться в общую игру, особенно после того, как обнаружил озорника, а вернее — озорницу: ею оказалась прелестная смуглолицая девушка с длинными толстыми косами.

— Прости, дядя! — сказала она смущенно, но лукавые глаза ее говорили о том, что стоит Касуму отвернуться — и новый шлепок по спине ему обеспечен.

Широко раскинув руки, словно обнимая весь этот мокрый и теплый мир, подставив лицо дождю, девушка счастливо вздохнула:

— Охай! Ну, и льет!

А Гафа, роглы между тем, сидя неподалеку на копне сена, уговаривал себя: «Ты ведь знаешь: они — молодые, не надо на них сердиться. Они вырастут, обзаведутся семьями, которые надо будет кормить и одевать, тогда и узнают цену каждого клочка сена в долгую зиму. А сейчас у них на уме — игры да любовь. Ты ведь сам говорил: мир изменяют молодые. И еще повторял не раз: тот, кто ругает молодежь — стареет на глазах... Раньше молодежь другая была? Так и время другое было — не до Игр. Война шла!..»

Дождь кончился. Гроза прошла стороной. Тучи сваливались за горизонт, и над долиной Пиркалем вновь засияло солнце, быстро сушившее скошенную траву. Касум принялся ворошить ее, за ним потянулась и молодежь. Гафароглы, собравшись с силами, тоже взялся за грабли.

Хотя дождь был недолгим, густая некошенная трава отяжелела, полегла. Касум прошелся взад–вперед с косой и плюнул с досады.

— Пусть сам Алекпер косит! Может, его в институте учили, как с такой травой управляться, а мы — неученые! — сказал он Гафароглы. — Завтра закончим. Э-э, да ты, старик, совсем раскис, — продолжал он с грубоватой заботой. — Отвез бы ты его домой, а, Гасан?

— Отчего же, отвезу, конечно, — согласился Га–сан, сразу сообразив, что по дороге он, может быть, сумеет уговорить старика, чтобы тот замолвил словечко перед сыном насчет сена из долины Пиркалем: ни о чем другом Гасан думать сейчас не мог, сосредоточившись на желанной цели.

— Сторожа оставляешь? — спросил Гафароглы бригадира.

— А как же! Наджаф посторожит» Старик покачал головой:

— Наджаф за бутылку мать родную продаст. — Приглядывать за ним будем. Больше некого.
— Сторожа сторожить? — Что же делать...

Еще раз поворошили сено и стали собираться домой. Хватились Гасана, его нигде не было, Только–только он стоял рядом и вдруг исчез, будто провалился сквозь землю.

— Машину хочет поближе, подогнать, — высказал догадку Касум.

Но и возле «Запорожца» учителя не. оказалось. Он появился внезапно, как и исчез, оживленный, по всему видно, очень довольный собой. Бросив взгляд в ту сторону, откуда он пришел, Касум понял: Гасан о чем–то беседовал с Наджафом, шалашик которого виднелся поодаль. О чем? И тут для бригадира было все ясно. Он только вздохнул тяжело, подсаживая Гафароглы в машину.

По дороге домой Гасан и не заикнулся о сене — вместе со стариком в машину сел и бригадир. Возьмет, да скажет: «Я же тебе сто раз объяснял, сено только для колхозных телят!» К тому же Гасан нашел другой, куда более надежный путь к сену из долины Пиркалем, в чем Касум и убедился часа через два.

Эти два часа ушли у него на то, чтобы выковырять деревянную пробку, забитую Солтаном в трубу колонки. Что только не делал с ней бригадир — деревяшка, набухнув, не поддавалась. Пришлось выдалбливать ее молотом. И все это под ругань женщин — жены и особенно Хатын Арвад, которая на чем свет стоит поносила Солтана, а вместе с ним и Касума с Гасаном за то, что не могут справиться с зловредным соседом. Наконец вода пошла, женщины, наполнив ведра, с ворчанием вернулись домой. И тогда Касум. услышал натужное тарыхтение машины, поднимающейся на пригорок. Через минуту–другую его взгляду открылось необычное зрелище, прямо на него двигалась большая копна сена, под которой едва угадывались очертания «Запорожца». Впечатление было такое, словно на черепahu надвинули шулки ради большую косматую папаху.

Гасан, с трудом открыв дверцу, едва не ползком выбрался из машины, подошел к Касуму:

— Не подумай чего плохого, сосед! Это не на твоём лугу. Клянусь памятью матери. Я пообещал бригадиру Джамалу школьников на пару дней, он мне разрешил немного сена подобрать на покосе!

Хотя Гасан клялся памятью матери, Касум сильно сомневался в его искренности. Но ему так надоело объясняться с Гасаном, что он даже испытал некоторое облегчение: теперь–то, может быть, отстанет. К тому же мысли его были целиком заняты колонкой, с которой он провозился столько времени.

— Слушай! — сказал он. — Два часа я вынимал пробку из трубы. Солтан совсем с ума сошел: загнал сюда огромный сук! Ради бога, привези мастера, терпения больше нет!

Гасан, очень довольный, что все обошлось, поднял руку в пионерской клятве.

— Завтра же!

Дома жена спросила Касума:

— Видел?

— Не слепой, — нехотя ответил он.

— Да, у него дети всегда будут сыты и обуты! — сказала жена не то с восхищением, не то с осуждением.

— У нас, что ли, голодные? — разозлился Касум. — Вот я завтра проверю, откуда сено!

— Не смей! — заволновалась жена. — Не забывай про нашего Керима. Ему школу кончать. Гасан такой аттестат выправит — в институт на порог не пустят. Вся жизнь Керим твое сено помнить будет!

«И правда, с Гасана станется, — подумал Касум. — Упрекнуть меня никто не может, я разрешения не давал. А сена в этом году много, телятам голодать не придется».

И, махнув на все рукой, он отправился спать: с утра надо было вновь идти на покос. * * *

В тот вечер Алыш ждал отца с особенным нетерпением. Едва Осман переступил порог, как парнишка бросился к нему.

— Па! Я придумал! Не надо скалу бетонировать. Мы родник устроим. Пойдем покажу!

Алыш нетерпеливо дергал отца за рукав, большие карие, как у матери, глаза смотрели умоляюще, и хотя Осман устал и проголодался, он, не возражая, последовал вслед за сыном. Они подошли к скале, и Алыш стал объяснять:

— Вот здесь я выдолблю углубление. Вода из трещин будет собираться, а потом по трубе... Ты мне достанешь трубы? Мне всего три трубы надо.

— Зачем трубы-то? — спросил Осман.

— А я выведу воду вот туда... — Алыш показал в сторону и вниз, на большой развесистый платан, за которым начиналась сельская улица. — И там тоже углубление. Камнем выложу. И будет родник!

— Имени Алыша Бабаева, — смеясь, закончил Осман.

Алыш смутился и даже немного обиделся.

— Ты же мне сам говорил: родник — лучший подарок людям. Все равно что красивую баяты сложить... Не ты?

Осман ласково обнял сына за худенькие плечи.

— Я. Готов повторить. И имя твое люди запомнят, если красиво сложишь.

За ужином они продолжали говорить о роднике. Алыш на листке бумаги принялся рисовать: вид спереди, вид сбоку... Получалось красиво; как бы небольшой грот, сложенный из дикого

камня, с чашей—углублением внутри, в которую стекает прозрачная струйка воды.

— Хорошо, — одобрил Осман. — Трубы я тебе привезу. Есть у нас на складе несколько старых, При—ладишь?

Алыш счастливо закивал.

Осман, поймал себя на том, что смотрит на сына с уважением. Раньше смотрел с любовью, с нежностью, бывало, хотя и редко — сердито. Но с уважением — впервые в жизни. Вот ты и вырос, Алыш! Конечно, для тебя все это игра. Но если ты не отступишь, если сделаешь все так, как наметил, игра станет серьезным делом. Сам он, Осман, не придумал, ничего лучшего, кроме как забетонировать скалу, чтобы защитить навсегда свой дом. Мечтал о том, чтобы внуки с благодарностью смотрели на скалу, как на крепость. А мальчишка хочет защитить свой дом, принесет радость людям, не отгораживаясь от них. Ну что ж! Так и положено. Молодые должны быть умнее и лучше. На том все держится...

До самого вечера они говорили о роднике, не замечая, как хмурится Сенем. Несколько раз она пыталась вмешаться, отговорить мужа и сына от задуманного, находя для этого разные причины: лучше бы Алыш больше читал, не забивая себе голову глупостями, никому не нужен родник, водопровод в селе, скоро, говорят, в каждый дом трубы подведут, людей только насмешит... Так это было непохоже на Сенем, немногословную, тихую, казалось бы, не умеющую возражать, что Осман и Алыш с удивлением уставились на нее. Сенем взяла себя в руки и замолчала, подумав: все это пока разговоры, помечтают и забудут, как только кончатся каникулы и Алыш пойдет в школу.

Однако на следующий день, вернувшись с работы, она увидела возле дома несколько старых труб и бумажный мешок, припорошенный цементной пылью. Сенем выждала несколько, все еще надеясь, что не придется раскрывать глаза Осману и Алышу на полную обреченность дела, которое они задумали. Ведь тогда пришлось бы говорить о неисправной колонке, а это наверняка заставило бы Османа подняться на гору, объясняться с соседями, и, не приведи бог, начнется ссора. У Сенем до сих пор в глазах стояло изможденное, перекошенное злобой лицо Солтана, когда он швырял в озеро ее бусы... Нет, никак нельзя было допустить, чтобы встретились они на узкой дорожке: она жалела их обоих. Но как позволить сыну сооружать родник, в котором никогда не будет и не может быть воды?

Сенем металась, не зная, что предпринять. И все—таки страх взял верх. Она решила молчать. Ничего страшного в занятии Алыша нет, пусть мальчик поиграет...

Теперь Алыш каждую свободную минуту спешил с киркой и лопатой к горе. Осман посоветовал сперва уложить трубы, а затем уже долбить углубление в скале, и Алыш рыл длинную канаву в направлении одинокого платана, где он собирался сделать родник. Возвращался домой таким счастливым, что Сенем и радовалась за сына и страдала, представляя, какое разочарование ожидает его.

Наконец она сама решила отправиться на гору к соседям. К Солтану, конечно, не зашла, поговорила с бригадиром и Хатын Арвад.

Вернулась домой расстроенной, с пылающим лицом. И Осман, увидев ее такой, сразу спросил;

— Что случилось?

Тут Сенем и не выдержала.

— Алыш — еще мальчик, но ты—то — взрослый, серьезный человек! У соседей наверху колонка вся время сломана, вода так и хлещет. Уже и к нам добралась. А ты — «родник...

родник». Откуда тут роднику взяться? Мальчишке голову заморочил, только и знает камень долбит!

Осман, не дослушав, натянул поглубже кепку и решительно зашагал по дороге в гору.

Хатын Арвад и бригадира возле колонки уже не было. Увидев издали Османа и сразу поняв, зачем он идет, они поспешили разойтись по домам и даже занавески на окнах задернули. Осман постучался к бригадиру — ему не открыли, к учителю — и здесь хозяйева притаились. Тогда Осман повернул к дому Солтана.

Солтан вышел ему навстречу. Они стояли в каких-нибудь трех шагах один от другого, но время развело их так далеко, что, казалось, смотрят они друг на друга с вершин высоких гор, между которыми — пропасть. Собственно, Осман не питал к Солтану недобрых чувств, в глубине души он даже немного жалел его, понимая, что жизнь у Солтана не задалась. О причинах он не задумывался, во всяком случае, своей вины не чувствовал и не поверил бы, если бы кто-нибудь сказал о ней. Он считал, что нет в той давней истории с женитьбой на Сенем ни правых, ни виноватых. Так оно, пожалуй, и было, да только Солтан думал иначе. И такая тяжелая волна неприязни, исходившая от этого человека, накрыла Османа, что и он вдруг ощутил непонятную злобу.

Буркнув приветствие и не получив ответа, Осман процедил сквозь зубы, кивнув на колонку, из которой бежала вода:

— Долго это будет продолжаться?

Солтан, скрестив руки на груди, смотрел на своего врага с молчаливым презрением. В таких ли он бывал переделках! Приходилось ему схватываться один на один с настоящими бандюгами! А тут стоял перед ним всего лишь Осман — гладенький, с заметным брюшком (еще бы, каждый день — жареная рыбка!), с обрюзгшим лицом, на котором жесткая щетка усов казалась чужой. Впервые Солтан подумал: такого ненавидеть — много чести!

— Ты оглох, что ли! — крикнул Осман. — Я с тобой разговариваю!

Солтан все так же молча рассматривал его: с лица перевел взгляд на ноги, с удовольствием отметил, что ботинки в грязи, успел, значит, влезть...

— Это тебе даром не пройдет! — пригрозил Осман. — Завтра же на правление вызовем!

Солтан улыбнулся и ласково сказал:

— Не ешь столько рыбы, гражданин начальник. Скоро лопнешь! Особенно если кричать будешь. Знаешь, так... р-р-раз! — Солтан сделал угрожающий выпад, — и лопнешь!

Осман не отступил и даже не вздрогнул, когда ладонь соседа рассекла воздух перед самым лицом, и тот вынужден был невольно отметить: «Не испугался, надо же!» Он собирался продолжить этот спектакль, который шел по его замыслу и доставлял ему удовольствие. Но Осман уже взял себя в руки. А в следующую минуту все переменялось.

— Что с тобой стало! — услышал Солтан. — Что с тобой стало!

Осман произнес те же слова, что и Сенем неделю назад, там, у озера, с той же тоской и жалостью в голосе. Этого Солтан уже не мог вынести.

— Уходи! — зарычал он. — Уходи, не то здесь останешься!

Да, теперь он не шутил, и Осман это понял: покачал головой, повернулся и пошел прочь. Завтра он попросит Алекпера, председателя, вызвать этого сумасшедшего на правление, там

на него управа найдется!

Сенем в тревоге ждала мужа у порога дома. Увидев, что тот возвращается, с облегчением перевела дух.

— Что там? — севшим от волнения голосом спросила она.

— Безобразии!

— Скажи Алышу, — попросила Сенем. — Пусть бросит свою затею.

Осман смерил взглядом гору, у подножия которой они стояли, с сомнением покачал головой:

— Не может струйка воды пробить такую толщу! Тут же камень, скалы.

— Капля камень точит,

— Гора не камень.

И все же, поразмыслив, Осман сказал Алышу:

— Как бы, сынок, нам не осрамиться. Колонка наверху, у соседей, неисправна, вода могла к нам просочиться. Так что, может, и ключа никакого в горе нет.

Алыш, не выпуская из рук кирку, выпрямился, гневно сверкнул глазами:

— Мама сказала? Конечно! Ах, ребенок ручки собьет, ах, ножку поранит...

— Алыш, нельзя так о матери! — строго оборвал его Осман.

— Прости... Только я все равно не брошу, — упрямо сдвинул брови Алыш.

— Это твое дело, — сказал Осман ласково. — Я тебя предупредил, а дальше сам решай, ты уже взрослый.

По правде говоря, Осман остался доволен настойчивостью сына. Он тоже не очень-то верил догадке Сенем.

На другой день, придя в правление, Осман пожаловался председателю на соседей.

Алекпер слушал, не перебивая. По его лицу трудно было понять, как он относится к словам Османа. За три года тот не сумел привыкнуть к манере нового председателя. Гафароглы вел себя в таких случаях совсем иначе — горячился, бранился или, наоборот, одобрительно вскрикивал, восхищенно хлопал по плечу. Алекпер всегда оставался сдержан. Там, где другие хохотали, только улыбался, там, где другие кричали — он чуть заметно хмурился. Трудно было поверить, что он — сын Гафароглы, хотя внешне Алекпер был его совершенной копией: та же непокорная шапка волнистых волос с проседью, у Алекпера — ранней, у Гафароглы — поздней, те же резкие, твердые черты лица, смуглого от постоянного загара. Что ж, люди тем и хороши, что не повторяют друг друга.

— Осман, дорогой, — наконец сказал Алекпер. — Когда же я вас отучу от этой дурной привычки: по любому поводу бежать к председателю? У нас производство, понимаешь? Про-из-вод-ство! Этим мы и должны заниматься. Иначе потонем в мелочах. Сходи в сельсовет, это же их дело, их прямая обязанность.

— Э-э, сельсовет! — безнадежно махнул рукой Осман и, не удержавшись, добавил: — Твой отец так бы не ответил.

— Верно, — чуть улыбнулся Алекпер. — Он бы сейчас все бросил, побежал бы разбираться с твоими соседями, да еще, пожалуй, сам бы колонку стал чинить. Вот он вас и приучил. Пора отвыкать!

— Пока отвыкнем — потонем, — проворчал Осман. — И не в мелочах, как ты говоришь, а прямо в воде.

Он вышел из правления недовольный Алекпером, а еще больше собой; прав председатель, сто раз прав! Только не получилось бы в самом деле так: пока от старых привычек откажемся... Пока солнце взойдет — роса глаза выест!

В сельсовет Осман не пошел, хотя и надо было всего-то пересечь улицу. Такому, как Солтан, сельсоветом не пригрозишь.

— Что нового, Осман?

Старик Гафароглы, как обычно, сидел на лавочке возле правления — неподвижно прямой, держась за рукоятку плети, заткнутой за пояс, которая и не давала ему согнуться. Сидел как памятник прошлому села Гарагоюнлу.

— Да что же нового... Вот сейчас с Алекпером тебя вспоминали, — сказал Осман, понимая, что не надо бы говорить этого старику, но не в силах удержаться. — Мол, горячий был Гафароглы, за все хватался, не проходил мимо.

— Это, наверное, ты говорил, — сказал старик. — А Алекпер тебе возражал; нельзя так, вредно для дела. Правильно?

— Верно, — подтвердил Осман.

— Он, пожалуй, прав, а? Теперь мне виднее...

— Прав. Только... как бы это сказать... Мы всегда тебя спиной чувствовали. Порой сердились. Но знали: поддержишь, если что!

— Давно это было. Теперь люди по другому живут. Дома какие! На мотоциклах ездить стесняются — автомобиль давай! Лошади не нужны стали — кругом машины. Это разве не поддержка? Лошадей только жалко. — Гафароглы с нежностью погладил ворсистую рукоятку плети. — А так — чего еще нужно?

— Это ты говоришь или Алекпер? — съязвил Осман.

— Жизнь говорит! — сердито ответил старик и отвернулся, давая понять, что разговаривать больше не намерен.

«Ну и ладно! — тоже рассердился Осман. — С глухими разговаривать — только время тратить. Как будто мне больше всех надо. Зря только послушал Алыша, надо было забетонировать скалу и выкинуть все из головы». * * *

Всю ночь Солтан метался по дому, не находя себе места. В чем только не обвинил он Османа в эту ночь! Были здесь и старые обиды, определившие с давних пор их отношения, и новые. И этот человек теперь посмел еще жалеть его!

Солтан ворочался с боку на бок, курил... Потом, кажется, задремал. Нет, на сон это не было похоже. Скорее он представил себе, как бы все выглядело...

За годы одиночества это стало у него привычкой. Так или иначе придуманные Солтаном события проходили перед ним во всех деталях; он видел их мысленно, как другие видят на

экране кинотеатра или телевизора, с той лишь разницей, что сам выстраивал события и подбирал подробности.

Да, все это выглядело бы так... Он поехал в город, разыскал Гусейна. — Вернулся на другой день... Утром... Нет, не утром, утром нельзя, конечно. Поздним вечером! Шофер, подвозивший его к самому дому, помогая вытащить из фургона длинный, метра полтора, и узкий, обернутый мокрой. рогожей и обвязанный веревками ящик, приложил ухо к стенке.

— Гляди-ка, живой, шевелится! Нет, правда, кто это?

— Я же тебе сказал: аджаха, — спокойно ответил Солтан.

— Да ну тебя! Осетр, что ли?

— Аджаха.

— Ладно, не хочешь — не говори, твое дело. Шофер уехал. Сразу? Пожалуй, потребовал бы накинуть красненькую. Если аджаха — значит, считай, опасный рейс, за опасность платить надо... Нет, сразу уехал. Не поверил в аджаху.

Солтан подтащил ящик к самому крыльцу, взял ведро и отправился к колонке... Сирота! Где-то должен быть здесь Сирота... Ага, вот он... Отчаянный лай за спиной заставил Солтана поторопиться. Пес бегал возле ящика, рыл задними лапами землю, хрипкое рычание, прерываемое лаем, вылетало из его оскаленной пасти.

Картины, путанные, сбивчивые, одна за другой проносились в сознании Солтана, становясь постепенно все яснее и красочнее. Так всегда было с ним: сначала мысли горячечно метались, словно натываясь на что-то, потом выстраивались в ровной последовательности.

...Оглядываясь на соседние дома, расплескивая воду, Солтан подбежал к собаке, пнул ее:

— Молчать! — Сирота, отбежав на несколько шагов, сел и заскулил. Но едва Солтан приблизился с ведром к ящику, пес снова рванулся вперед, вздыбив шерсть на загривке, стал между неведомой, но очевидной для него опасностью и хозяином.

Солтан, поняв чувства собаки, скупно улыбнулся, погладил ее по взъерошенному загривку.

— Хорошо, хорошо, Сирота. Не волнуйся. Обняв собаку за шею, он отвел ее в дом и закрыл дверь. Даже этот свидетель был ему сейчас ни к чему: того и гляди, поднимет на ноги соседей!

...Приподнявшись с постели, Солтан с беспокойством глянул в окно, словно и в самом деле соседи могли увидеть то, что ему представлялось. Ночная тишина стояла над Гарагоюнлу, и он вновь опустил голову на подушку. На чем он остановился? Да, принес ведро с водой... Вылив на ящик воду, Солтан присел рядом и задумался. Хотелось поддержать аджаху дома, рассмотреть как следует, представить, как он, широко раскрыв свою страшную пасть, хватает одну рыбину за другой в глубине озера — из-под носа Алыша, а значит, и Османа! Хотелось почувствовать аджаху вот, как Сироту, своим, прежде чем выпускать его в озеро. Словом, получить удовольствие сполна, на все деньги, которые Солтан заплатил. Узнав, сколько просят за аджаху, он даже отшатнулся.

— Ты зачем приехал? — стал смеяться над ним Гусейн. — Барашка покупать? Или курочку? Это же кро-ко-дил! Он бешеные деньги стоит, тебе я задаром предлагаю. Мне из них всего-то сотня достанется. Ветеринару надо дать, чтобы акт составил о гибели? Надо. Заведующему? И еще кое-кому...

...Нет у него денег! Солтан стукнул кулаком по кровати, шепотом выругался. Но тут же

вспомнил: есть они! Бумажник с пачкой денег, которые он копил на бусы Сенем, в самом деле лежали под матрацем! Солтан заколебался. Обменять дорогой его душе подарок на какую-то зубастую тварь? На чудовище? Нет, Солтан не мог этого сделать...

Но не привык он отступать, если принял решение! «Накоплю еще! — подумал Солтан. — Деньги — трава: ее косят, а она растет...»

И он, пересилив себя, вынул бумажник.

Да, конечно, хорошо было бы поддержать аджаху дома... Но нельзя. Еще пронюхает кто-нибудь.

Он потащил ящик к озеру. Крокодил был тяжелый, да еще ящик кое-что весил. Солтан задыхался под этой двойной тяжестью, сердце у него колоколом билось и гудело не только в груди, но во всем теле. Однако этот гул казался ему праздничной музыкой.

Озеро, как всегда в ночные часы, лежало перед ним во всей своей торжественной красоте. Серебристая под лунной поверхностью его была недвижимой, словно бы озеро к вечеру вдруг замерзло. Даже круги от играющей рыбы не расходились по воде. Озеро спало, безмятежно раскинувшись под бархатно-темным небом. Только неведомая птица анадиль тревожила ночную тишь все тем же настойчивым вопросом: «Нашел ли? Нашел ли?»

— Нашел! — возбужденно засмеялся Солтан. — Вот какого я красавца нашел!

Руки у него дрожали, когда он развязывал веревки на ящике и стаскивал мокрую рогожу. Ящик-клетка был надежно сколочен, крокодил едва мог шевельнуться в ней, но как только под лунным светом тускло блеснула спина и морда животного, Солтан отскочил. Ему показалось, что крокодил приподнимается на коротких лапах и клетка потрескивает под напором, могучих мышц.

— Ну ты, балуй! — прикрикнул на него Солтан, как на непослушного жеребца. И сам осмелел от своего окрика. Это ведь для других крокодил — чудовище, аджаха, а для него, Солтана, всего-навсего зубастая тварь, купленная им к тому же за бешеные деньги! Он — хозяин твари, единственный и полноправный. От этой мысли Солтану стало легко, и он уже без страха опустился на траву возле самого ящика.

— Ну что, браток? — спросил он. — Плохо тебе в клетке? Плохо, понимаю!

Крокодил смотрел на Солтана немигающим взглядом, бока у него тяжело вздымались и опускались. Солтан зачерпнул кепкой воды из озера, вылил ее на морду зверя, и тот вдруг слабо, но явственно замычал. Словно бы поблагодарил.

— Ишь ты! — удивился Солтан. — Прямо не знаю, что с тобой, браток, делать. Даже жалко отпускать. Нырнешь — и поминай как звали. И не вспомнишь, кто тебя выпустил на свободу. Эх ты, аджаха, аджаха!

Он замолчал, удивившись сам себе: «Как с Сиротой разговариваю! Нет, дорогой, Сирота за меня жизни не пожалеет, а ты, пожалуй, моей жизни не пожалеешь, если вырастешь. Только не вырастешь, подохнешь скорее всего, как холода начнутся. Зато воли хлебнешь, на воле помрешь. А уж рыбки нажрешься... На том свете будешь вспоминать да облизываться...»

Вздыхнув, Солтан уже совсем безбоязненно отодвинул засов у дверцы клетки и распахнул ее. Крокодил не шевельнулся. Подождав минуту-другую, Солтан подобрал на берегу Хворостину и ткнул ею в спину зверя, поближе к хвосту. Крокодил заворочался, медленно стал вылезать из ящика. Вылез, постоял неподвижно, опустив морду в траву, вдыхая сладкие запахи сырой земли, водорослей, скользкой рыбьей чешуи. Дрожь пробежала по его телу, но то ли он не

верил в неожиданную свободу, то ли не мог прийти в себя после заточения в клетке — с места не двигался. Тогда Солтан, совсем освоившись, легонько стегнул его хворостинкой. Неуклюже выворачивая ноги, крокодил шагнул вперед.

— Но! Но! — Солтан подстегивал его, подгоняя. — Давай! Обленился на готовеньком!

Крокодил заковылял к воде. У самой кромки он остановился, прощально оглянулся на Солтана, взрезал острой мордой водную гладь озера и тотчас исчез из вида.

«Нашел ли?» «Нашел ли?» — беспокоился анадиль, и крик его становился все тревожнее, все громче.

Озеро молчало. Только расходился на его поверхности большой сверкающий круг в том месте, где нырнул крокодил. словно огромное ожерелье.

Солтан не отрывал глаз от серебристой лунной дорожки. По-прежнему тихо было на озере, как будто ничего не произошло. Хотя Солтан понимал, что так и должно быть, что тишина только на руку ему, он был разочарован: слишком обыденной, незаметной показалась ему месть, которой он отдал столько сил.

И тогда лунная дорожка раскололась, из нее поднялась огромная шипастая спина, а затем и все чудовище расплыло на поверхность. Да, это был уже не крокодиленок, чуть больше метра длиной, а тот страшный аджаха с пастью-пещерой и кабаньими клыками, которого Солтан видел в зверинце. Чудовище молча уставилось на него, и Солтан с криком побежал прочь от озера.

...Он рванулся с кровати, едва удержавшись на краю, и потом долго сидел, тряс головой, стараясь поскорее вернуться в реальный мир, от которого отключился час или два назад.

«Привидится же такое! — подумал он с досадой. — В другой раз встречу Гусейна-гиену — стороной обойду!» * * *

Алыш перестал появляться на озере.

Солтан понял причину, застав как-то мальчишку за работой.

Алыш выдолбил у подножия горы верхнее углубление и теперь спустился к платану, чтобы устроить там главную чашу родника.

Некоторое время Солтан наблюдал за тем, как Алыш укладывает камни в основание, скрепляя их цементным раствором. В иное время он равнодушно прошел бы мимо, но теперь все, что касалось мальчишки, кровно интересовало его. Аджаха словно бы связал их единой веревочкой. Этот сон! Солтан до сих пор не мог освободиться от ночного наваждения. Только теперь заметил он, что Алыш все взял у матери и ничего у отца: удлиненные, как у Сенем, карие глаза с длинными ресницами, пушистые волосы, нежный овал лица, ямочки на щеках... Пожалуй, Алыш сейчас был больше похож на юную Сенем, чем она сама — поседевшая, располневшая, потерявшая краски молодости.

— Что делаешь, парень? — спросил Солтан хрипло.

Алыш поднял голову, увидел соседа, всегда неприветливого, мрачного, не отрываясь от работы, сдержанно объяснил.

— Отец, что ли, придумал? — продолжал допытываться Солтан, прикидывая, какую выгоду может извлечь Осман из странной этой затеи. Он был уверен: хитрит что-то сосед, кто будет нынче тратить время и силы на дело, которое никакой выгоды ему не принесет?

— Сам, говоришь, додумался? Людям польза. — Солтан ухмыльнулся. Парнишка, видно, неплохой, вон как старается. Только откуда бы ключу в скале взяться?

— Мама говорит, — произнес Алыш, словно бы угадав его мысль, — у вас колонка течет, вода к нам стекает... Я, правда, не верю...

Мальчишка смотрел на Солтана с надеждой, ждал ответа. А что он мог ответить? Был бы тот его сыном — Солтан бы сюда все озеро спустил, если потребовалось бы... А так... Пусть работает. По крайней мере на озеро не ходит, отца рыбкой не ублажает!

Солтан подумал так, а сказал совсем иное:

— Может, и права мать-то...

— А колонку почините, дядя? — спросил Алыш. Солтан нахмурился, вспомнив, как подступал к нему недавно Осман с таким требованием. Ишь ты, парень лицом в мать, а повадкой в отца. Не ответив Алышу, он пошел прочь.

Наступила осень. Гарагоюнлу заканчивало свои главные дела, готовясь к зиме. Из событий, которые в это время привлекли внимание жителей села, надо отметить два.

Во-первых, шофер председателя весельчак Наби, вернувшись из поездки в район, куда он возил Алекпера на совещание, уверял, что всю обратную дорогу председатель пел!

— Чтобы мне до конца жизни на лысых скатах ездить! — клялся Наби, сидя вместе с друзьями на лавочке возле правления. — Сначала показалось — радио, красивая такая баяты. Думал — Магомаев... А потом глянул, испугался даже.

— Чего ты испугался?

— А ты не испугался, если бы сейчас вон та яблоня вдруг гаркнула: «Эй, мужики, дайте закурить!» Сколько лет с ним ездю — слова лишнего не скажет, а тут запел.

— Может, влюбился?

— Все может быть. Молодой еще.

Осман, тоже вышедший из правления покурить, с досадой вмешался:

— Э, чего болтаете! Хвалили Алекпера на совещании, в пример всем ставили. Урожай у нас по району выходит самый высокий.

Новость была приятная, касалась всех, и все на какой-то момент притихли, прикидывая, что несет она каждому. Несла она немало, а если еще учесть не менее богатый урожай в своих садах и огородах, который некоторые, самые нетерпеливые, уже успели вывезти на рынок, а другие, более расчетливые, только собирались, получалось совсем неплохо. Притихли они еще и потому, что каждый увидел перед собою свою мечту.

Осман увидел Алыша в белом халате, с резиновыми трубочками, перекинутыми через шею, которые сходятся в одну с металлическим кружком на конце. Алыш засовывает трубочку в уши, приставляет кружок к груди больного: «Дышите глубже... Теперь не дышите...» А за дверью длинная очередь. «Проходите к другому врачу, он свободен»... «Нет, мы хотим к Бабаеву...» Собственно, стать врачом было мечтой Алыша, но мечта Алыша — значит и мечта Османа. Он давно уже решил, что все сделает, на любые затраты пойдет, но сын станет врачом.

Перед Касумом, тоже на минутку присевшим на лавочку, вставало иное: два новеньких дома

в центре Гарагоюнлу, на второй его улице, которая возникла недавно рядом с главной и постепенно застраивалась. Дети выросли, скоро женятся, пусть живут своими семьями, в своих домах...

Колчерукий Наджаф мечтал о машине... Хотя бы о таком же «Запорожце», как у Гасана. А может быть, даже об этом самом. Гасан намекнул, что собирается пересесть на «Жигули» и тогда продаст ему свой «Запорожец». Конечно, трудности будут с водительскими правами, но Наджаф рассчитывал эти трудности преодолеть с помощью родственника, работающего в милиции...

Вот так они курили на лавочке, думая каждый о своем, и вдруг Наджаф незаметно для себя негромко запел:

Ветер колышет деревья, Думы колышат душу...

И все, кто сидел рядом с ним, подтянули:

Посмотри на меня внимательно И ты поймешь, зачем я пришел...

Весельчак Наби хлопнул себя ладонями по коленям и расхохотался:

— И вы тоже... Запели! Наджаф, черт криворукий, ты—то чего надрываешься? Не тебя ведь в районе хвалили!

— Председателя хвалили, значит, и нас хвалили! — с важностью ответил Наджаф. И все закивали головами, соглашаясь с ним.

Это было первое событие. А во—вторых, в селе состоялся товарищеский суд, о котором прежде в Гарагоюнлу мало кто слышал.

Судились братья Сарыевы, Ахмед и Гумбат — люди тихие, незаметные, хотя тот и другой занимали заметные, казалось бы, должности. Ахмед работал кладовщиком, Гумбат — механиком. И вот, поди ж ты, слушалось их дело. Именно так значилось на доске объявлений в клубе, где обычно висели афиши с названием кинофильмов. Они были там и в тот день: одна извещала о сегодняшнем фильме, где герои—красноармейцы насмерть рубились с беляками за народное счастье, другая — о фильме завтрашнем, где герои—солдаты, жертвуя собой, спасают бесценные кар—, тины, украденные фашистами. А между этими двумя афишами как раз и уместилось объявление о суде. Если быть совсем точным, объявление занимало всю доску, оттеснив афиши на край. Неудивительно, что клуб был полон, фильм как раз закончился, люди не расходились, ожидая нового и на этот раз, может быть, даже более интересного зрелища. Вездесущий и все знающий Наджаф объяснял соседям:

— В Москву они писали, прямо в Москву, чтобы вернее. Оттуда в район жалобу спустили, а потом уже сюда, к нам..,

«Эх, — подумал Осман. — Надо бы насчет колонки тоже так... Сразу бы забежали!..» Он посмотрел на сидевшего неподалеку Гасана и понял, что он думает о том же.

Но вот суд начался. Ахмед Сарыев обвинял своего брата Гумбата в обмане и нанесении материального ущерба, а тот, в свою очередь, брата — в клевете. Ахмед писал в своем заявлении, что на свадьбу Гумбата он дал такого барана, на котором даже сам Кероглы, оказавшись он верхом, не доставал бы ногами до земли; на свою же собственную свадьбу получил от брата молочного барашка ™,

Гумбат крикнул из зала:

— Врет он, я тоже настоящего барана дал! Ахмед вскочил со своего места.

— Люди! Вы же знаете, я всю жизнь кладовщиком работаю, правда или нет?

— Правда! — закричали из зала. — Все знают, у меня весы во дворе старые, списанные. Я все взвешиваю. Покупаю или продаю — все на весы!

— Он даже гостей взвешивает! — закричал Гумбат. — Придешь к нему, ведет на весы, уходишь — опять на весы!

— Правильно, — подтвердил Ахмед. — А то есть такие, которые жалуются на плохой прием. Против цифр не поспоришь. Так мог я своего барана, которого Гумбату дал, не взвесить? Ровно шестьдесят один килограмм семьсот граммов. Значит, чистого веса тридцать кило восемьсот пятьдесят граммов... А барашек Гумбата..

— Не барашек, а баран! — крикнул Гумбат.

— Его я, конечно, тоже взвесил. Тридцать пять килограммов сто пятьдесят граммов. Значит, чистого веса — восемнадцать, самое большее. Тринадцать килограммов разницы. Мясо теперь на рынке — шесть рублей. Что я, сумасшедший? Ни за что, ни про что семьдесят восемь рублей терять?

— А деньги, которые я дал на твоей свадьбе?

— Не беспокойся, все записано. Десять рублей дал.

— Врешь! Пятнадцать! :

В зале смеялись: представление, и правда, оказалось поинтереснее, чем фильм о давно прошедших войнах. Притихли лишь тогда, когда встал Гафароглы. Все ждали, что он скажет. А он только и мог выговорить:

— Дети мои, дети мои... Ваш отец был моим; другом, я давал вам имена... Вы же — братья!

Больше Гафароглы ничего не успел произнести: медленно стал оседать, бессильно клонясь набок. Ему успели подставить стул, налили из графина воды в стакан, Ахмед, не замечая суматохи вокруг старика, продолжал кричать:

— Братья, а карманы у нас разные! Твой сын Алекпер как сыр в масле катается, а много он помогает брату? Стыдно сказать, родной брат с тремя детьми в Баку комнатенку снимает!

Алекпер стукнул кулаком по столу.

— Это тебя не касается!

— Ах, не касается! — совсем взвился Ахмед. — Тогда нечего и нас учить!

Гафароглы, преодолев слабость, вновь поднялся, как ни пытались его удержать сидевшие рядом с ним.

— Ваш отец помнил: есть земля, есть человек на ней — сын человека в этом мире. Если у одного был хлеб, он знал: хлеб есть у всех...

— Сказки рассказываешь! — крикнули из зала. — Никогда такого не было!

— Вы фильм только что видели, — пытался продолжать старик.

— В фильме все можно показать!

— Эй, Гафароглы, если ты такой добрый, дай пятерку опохмелиться!

— Цыц, щенки! — прикрикнул кто-то из старших.

Гафароглы сел, закрыл лицо ладонями, словно бы отказываясь смотреть на этот мир. * * *

Алыш все свое свободное время проводил у родника.

Мальчишка старался вовсю. Однажды утром, подойдя к роднику, он увидел возле него большую грудку камней, сброшенных самосвалом, обрадовался и обругал себя за то, что не сообразил раньше; с полей вокруг Гарагоюнлу постоянно собирали и вывозили камни, всегда можно было договориться с водителем. Работа пошла куда веселее; Алыш не раз мысленно благодарил незнакомого шофера, разгрузившего самосвал возле родника.

Если бы он знал, что это сделал Солтан — не поверил бы. Впрочем, и сам Солтан не поверил бы, скажи ему месяц назад, что он станет помогать сыну Османа. Тем не менее это было так.

На прошлой неделе, вернувшись из рейса затемно, он услышал во дворе непривычные уху звуки: кто-то жалобно и тоненько повизгивал. Под ноги ему выкатились три пушистых комочка, неподалеку раздалось негромкое предупреждающее рычание собаки, и Солтан все понял.

Сирота, успокаивая рычащую подругу, лизнул ее в морду и пополз на брюхе к Солтану, словно прося прощения за то, что привел за собой семью. Потрепав пса по голове, Солтан подхватил одного из щенков, прижал к лицу, вдыхая его молочный, детский запах, и тотчас двое других принялись царапать голенища его- сапог, тоже просясь на руки. Пришлось Солтану опуститься на корточки, чтобы уделить внимание всем сразу. Отталкивая друг друга, они принялись облизывать его руки, сосать пальцы.

— Ах, дурачки, дурачки, — говорил растроганно Солтан. — Ну, хватит...

Сирота полез на свое старое место — под крыльцо, за ним двинулись и щенята; их мать, все еще недоверчиво поглядывая на человека, легла у ступенек, загораживая детенышей, Солтан вынес собакам по куску мяса, поиграл несколько минут со щенятами, лег спать и неожиданно быстро заснул. Два дня прожили собаки под крыльцом, и за эти два дня Солтан сделал важное открытие: оказывается, он прежде не мог заснуть потому, что всегда лежал, крепко сжав челюсти; порой у него скрипели зубы и начинали болеть скулы. Теперь он, слушая слабое щенячье тьяканье, доносившееся из-под крыльца, улыбался неволью и легко погружался в сон.

На третий день приснилось ему: подходя к дому, он услышал тоскливый вой. Выла подруга Сироты, у ее ног испуганно жалась щенки. Завидев человека, сука умолкла, метнулась к нему, а затем затрусилась со двора, волоча набрякшие соски по траве и непрестанно оглядываясь. Солтан пошел за ней, подхватив щенят на руки. Шел он недолго, через несколько минут собака вывела его к озеру.

На берегу, на изрытой земле, лежал Сирота. Кровавый темный след тянулся от самой воды и заканчивался таким- же пятном вокруг собаки. Сирота попытался встать, но тут же вновь упал. Передние лапы, неестественно подвернутые, не держали его. Солтан застонал: бело-розовые, раздробленные кости в запекшейся крови блеснули перед глазами.

— Гад поганый! — закричал Солтан, грозя озеру кулаком. — Ты что сделал!

Словно обезумев, он бегал по берегу, ругаясь последними словами. Если бы крокодил сейчас вылез из воды, Солтан, не раздумывая ни секунды, бросился бы на него и задушил. Но озеро молчало. Вконец обессилив, Солтан подошел вновь к Сироте. Пес умирал.

Солтан сходил домой за ружьем и лопатой; выстрел прекратил мучения Сироты. Тут же на

берегу Солтан закопал его, прогнал прочь суку со щенятами и, перезарядив ружье, до глубокой ночи сидел у воды, в камышах, понапрасну поджидая аджаху...

После этого сна и привез он камни к роднику Алыша.

Однажды он пробирался с ружьем в камышах и неожиданно увидел Сенем. Она сидела на том месте, где они встретились в начале лета, и задумчиво смотрела на полыхающий в воде закат.

Солтан подошел, спросил:

— Ты что здесь делаешь?

Сенем ответила странно:

— Жду, когда бусы мои всплывут.

Она встала и так низко склонила голову, что он увидел ее затылок, а ниже, на шее — белую полоску, след от бус, который не исчез за лето.

— Я куплю тебе бусы, — сказал Солтан тихо. — Самые дорогие, самые красивые, какие есть...

— Самые дорогие, на дне озера.

— Достану!

— Мы с тобой старые люди, а говорим как молодые.

— Нет, — невесело усмехнулся Солтан. — И говорим как старые. Молодые нынче так не говорят..

Сенем обняла Солтана, прижалась головой к его груди, и он поцеловал ее седеющие волосы, не испытывая ничего, кроме жалости к себе и к ней.

С того самого дня все стало валиться у Сенем из рук. Кружилась голова, сжимало сердце, к вечеру начинался жар. Несколько раз Осман вызывал фельдшера, тот прописывал лекарства, но все оставалось по-прежнему. Наконец, фельдшер сказал, что придется, видно, везти Сенем в больницу.

Вскоре ей стало совсем худо. словно бы покачиваясь на волнах горячего забытья, она видела, как мечется по дому Осман, как кусает в тревоге губы, Алыш, и беспокоилась не за себя — за них. В памяти ее все еще жили воспоминания о тяжелых днях, проведенных возле постели матери, все хлопоты и огорчения, связанные с ее болезнью. Подозвав мужа, Сенем сказала ему то, о чем он и сам думал, но не решался предложить.

— Вези меня в больницу... Найди машину, а я потихоньку соберусь.

Превозмогая себя она встала, принялась складывать и увязывать свои вещи в платок, а Осман кинулся за машиной. Он бежал к правлению и думал лишь о том, чтобы застать там Алекпера. Распорядиться насчет машины мог не только Алекпер, но Осману казалось, что помочь ему может один председатель; только бы застать, сообщить, чтобы не нести самому всю тяжесть свалившегося несчастья.

Еще издали он увидел, что из правления вышел Алекпер и с ним еще трое, незнакомых; все вместе они направились к машине, стоявшей поодаль. Наверное, они так бы и уехали, прежде чем Осман успел добежать, если бы их не остановил Гафароглы, сидевший, как

всегда, на лавочке возле правления. Он что-то сказал им, они весело рассмеялись, ответили, отчего старик и сам засмеялся. Теперь Осман понял, почему он не узнал тех, кто садился вместе с председателем в машину, хотя это были люди хорошо знакомые: Касум и еще один бригадир Октай и, наконец, доярка Халида. Все они были одеты в праздничные свои наряды. Касум и Октай — в строгие темные костюмы, воротники белоснежных сорочек торжественно топорщились от галстуков. Халида красовалась в ярком шелковом платье и туфлях-лодочках.

— Председатель! — крикнул Осман, подбегая.: — Погоди минуту! Жене, Сенем, плохо. В больницу надо!

Они уже сели в машину, и шофер Наби завел мотор, но, услышав слова Османа, вновь выключил.

В наступившей тишине голос Алекпера показался всем слишком громким:

— Бери в гараже любую машину, Осман! Скажи — я приказал!

— Спасибо...

Осман рванулся было в сторону, но его задержал Гафароглы. Старик стоял у машины, держась за ручку дверцы.

— В гараже их нет, Алекпер, — сказал он.

— Как это нет?

— Пять машин ушли на станцию за удобрениями, — начал перечислять Гафароглы. — Три машины — на ремонте. Две в поле, возят солому, одна — в городе...

— Да «газик» же есть! — нетерпеливо перебил Алекпер.

— «Газик» есть, — подтвердил старик. — Только Махмуд с утра гуляет, брат к нему приехал из Баку...

— Слушай, председатель! — сказал Касум, заметно нервничая. — Давай я выйду, а? А вы Сенем захватите. Обойдутся без меня на этом совещании-обещании...

Халида уже открывала дверцу, пытаясь выйти из машины.

— Как все не вовремя! — с досадой воскликнул Алекпер.

— Езжайте! — сказал Осман, страдая оттого, что поставил в затруднительное положение уважаемых людей, еще больше, чем от своей беды. — Найду я машину!

— Где ты ее найдешь? — спросил Касум.

— У соседей... Кто-нибудь отвезет.

— Значит, так! — сказал Алекпер, и все замолчали, помяв, что он принял окончательное решение. — Наби! Поедешь с Османом на «газике». Справимся без тебя. Сам за руль сяду.

— Ключи от «газика» у Махмуда, — недовольно сказал шофер. — И документы.

— Слушай, Наби, ты — мужчина?

Шофер молча вылез из «Волги», освобождая свое место председателю.

«Не твое это дело... Не твое... — твердил про себя Гафароглы как заклинание. — Что тебе, старик, больше всех надо? Будь мудрым: принимай этот мир, как он есть, ты уже ничего не можешь сделать. Помирать пора...»

Алекпер завел мотор. Гафароглы хотел отойти от машины, но вместо этого, еще крепче сжав ручку дверцы, сказал:

— Ты плохо решил, сынок, ~ Не вмешивайся, отец!

Алекпер не повысил голоса, но столько в нем было скрытой неприязни, что все замерли: сколько они себя помнили, никто и никогда так не разговаривал с Гафароглы.

Алекпер тронул «Волгу» с места. Сделал он это неловко, то ли в раздражении, то ли с непривычки: машина рванулась, словно бы прыгнув вперед. Гафароглы, не успев разжать пальцы, державшие ручку дверцы, упал на дорогу. Осман и Наби вскрикнули, бросились к старику. Машина, проехав несколько метров, остановилась, Алекпер, выскочив из нее, бежал к отцу.

Его подняли, стали сбивать пыль с бешмета, с шапки, откатившейся в сторону. Старика бил озноб, лицо кривилось. Он все шарил и шарил руками по бешмету, как будто что-то искал. На него смотрели с ужасом: известно ведь, что человек вот так ищет на себе, словно обшаривая слабеющее тело, когда смерть уже стоит рядом с ним.

— Прости, отец, — пробормотал Алекпер. — Эта чертова машина...

Гафароглы перестал обшаривать бешмет. Старик, наконец, нашел то, что искал: рукоятку плети из ножки косули, с которой не расставался никогда, словно бы зная, что она еще пригодится. Медленно, не спуская тяжелого взгляда с сына, старик вытащил плеть. И Алекпер, уже зная, что будет дальше, не сдвинулся с места, смотрел завороченно на руки отца.

Все оставшиеся силы вложил Гафароглы в удары. Бил без злобы, словно исполняя тяжелую обязанность — еще одну в длинной череде тех, которые он исполнял всю жизнь. Белесые полосы появлялись одна за другой на модной замшевой куртке Алекпера, но он молчал. И все, кто стоял вокруг, молчали, не смея приблизиться к ним.

Старик отбросил плеть, повернулся и пошел, пошатываясь, едва переставляя ноги.

Алекпер снял куртку, вытряхнул ее, стараясь, чтобы на ней не осталось полос, сказал спокойно, словно бы ничего не произошло:

— Поехали, товарищи. Опаздываем.

Осман и Наби провожали машину взглядом, пока она не скрылась из вида.

— Пойдем, что ли, — сказал Наби. — Попробуем Махмуда найти. Он, если уж гулять начал, дома не сидит. Эх, из-за тебя все...

Осман, вконец расстроившись, махнул рукой и пошел прочь.

Поднявшись в гору, он увидел «Запорожец» Гасана возле его дома; на багажнике лежали плоские ящики, в которых возят виноград.

Услышав о болезни Сенем, Гасан поохал, выражая сочувствие, высказал надежду на то, что все кончится хорошо, и сразу же согласился отвезти Сенем в больницу.

— О чем говоришь, дорогой! — остановил он Османа, когда тот стал благодарить, обещая,

что в долгу не останется. — Если соседи друг другу не помогут — чем все кончится? Вот думал: ехать — не ехать. Теперь и думать не надо. Святое дело.

— Только прошу тебя, умоляю — не задерживайся.

— Соберетесь, оденетесь — сразу же и я тут.

И правда, Гасан не подвел. Через полчаса послышался сигнал «Запорожца». Осман, поддерживая жену за плечи, вывел ее на крыльцо.

Перед ними возвышалось странное сооружение из ящиков на колесах. Ящики виднелись и в кабине. Гасан остался верен себе.

— Ничего, ничего, — успокоил он соседей. — Все поместимся. Это она снаружи маленькая, а внутри — танцевать можно.

Осман, отодвинув ящики, нависавшие над сиденьем, устроил кое-как жену рядом с Гасаном, а сам втиснулся между ящиками сзади. Машина тронулась. Навалившись на ящики, Осман оберегал Сенем от толчков и ударов, но вскоре понял, что силы его иссякают. А Гасан все говорил и говорил: о ценах на гранаты и виноград, о новой модели «Жигулей», каждое колесо которых стоило столько, сколько он зарабатывает за месяц... Осман, с тревогой поглядывая на Сенем, с трудом удерживался, чтобы не крикнуть ему: «Да замолчи ты, наконец!»

Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы вскоре их не обогнал на большой скорости «газик», не загородил им дорогу, заставив остановиться. Из «газика» выпрыгнул Наби, крикнул:

— Осман! Председатель из города звонил. Приказал доставить, а не то голову мне оторвет.

Сенем не могла идти. Они перенесли ее в «газик» на руках. * * *

Солтан в тот день был в дальнем рейсе: ездил в город за мотором для комбайна. В дальнем рейсе всегда можно подкалымить, от желающих нет отбоя. Солтан в эти игры не играл, хватало того, что имел. Но теперь ему нужны были деньги, и он никому не уступил. Просто сказал: «Я поеду...» — и никто не стал спорить. Даже путевку ему выписали с запасом, так, что без всяких затруднений сделал он пару «левых» ездов. Еще несколько таких рейсов, и он купит Сенем обещанный подарок.

Вернувшись в гараж и поставив машину, Солтан направился к дому. Еще издали он услышал возбужденные ребячьи голоса под горой возле дома Османа и глухие удары, словно что-то забивали в скалу или, наоборот, выколачивали из нее.

— Пошла! Пошла! — кричали ребята. — Еще давай! Пошла-а!

Из-за дома показалась стайка ребят во главе с Алышем. В руках у него были молоток и зубило. Мальчишки, едва не сбив Солтана с ног, пронеслись мимо — прямо к роднику возле старого платана.

— Есть! — ликующе закричали они. То один, то другой склонялись над родником, сложив ладони лодочкой, пили, дурачась, обдавались водой.

«Эх, глупые! — пожалел их Солтан. — Чего радуетесь? Потечет да перестанет!»

О болезни Сенем он узнал на другой день. В селе только и было разговору что о вчерашних событиях, об Алекпере и Гафароглы, Одни сочувствовали старику, другие — председателю: не на гулянку ехал, по делу, а дело он знает дай бог всякому, недаром заработка в этом году против прошлых — не сравнить. Жалели Сенем; хотя она и была причиной ссоры между

старым и новым председателями, тут мнения не разделялись.

Солтан возился с карбюратором, когда в гараже зашла обо всем этом речь. Он вздрогнул, отвертка выскользнула из рук, покатила под машину. Солтан долго искал ее, обшаривая в полутьме скользкий от масла пол, и только когда нашел и вытер тряпкой грязные руки, позволил себе спросить:

— Ас этой—то что, с женщиной?

— Кто знает! Разное говорят. Не то — лихорадка, не то отравилась. Наби ее в больницу вез, рассказывает: бредила.

Отвертка опять выскользнула из рук Солтана. Он снова полез под машину искать ее.

— Что, старина, небось вчера перебрал, а? — засмеялись шоферы.

Солтан не находил себе места. Но даже о том, как чувствует себя Сенем, он не мог узнать. Не спрашивать же у Османа!

Он не спрашивал, но, заходя теперь в правление, незаметно присматривался: сидит Осман, крутит ручку арифмометра, лицо — сосредоточенное, весь — в работе. Значит, дурных вестей пока нет...

Проезжая как-то через город, где находилась больница, Солтан подумал: кто мешает ему справиться о Сенем? Встретаться с ней он не решался. Нет, он просто узнает о ее здоровье. И передаст подарок, без подарка в больницу ехать нельзя. Теперь бы в самый раз пришлись бусы, которые он обещал купить Сенем...

Долго искать ему не пришлось. Едва он остановился возле рынка, где лепились одна к другой лавочки с дешевой галантереей, как тотчас к нему подошел парень в ватнике и низко надвинутой на лоб кепке «аэродром», сказал небрежно:

— Клапана у тебя, друг, вроде стучат...

— В голове у тебя стучит! — в сердцах отозвался Солтан.

— А то бы мог по дешевке...

— Не нужно.

— А подшипники?

Солтан хотел было послать настырного барыгу подальше, но в этот момент взгляд его задержался на женщине, набиравшей неподалеку воду из колонки. Не отрываясь, смотрел Солтан, как плавно, едва заметным движением коснулась женщина ручки колонки, как поток воды послушно и мощно рванулся из трубы и вновь остановился, не обронив ни капли, стоило лишь женщине отнять руку.

Вот бы... — подумал Солтан в нерешительности. — Вот бы — подарок! А что?

— Эй! — сказал он, кивнув на колонку. — Такую штуку нельзя достать?

— Почему нельзя? Можно, — ответил парень, ничуть не удивившись. — Подождать придется. Тебе всю, целиком?

— Потроха. Ну, там ручку, кран, то, другое...

Парень подумал, назвал цену. Солтан согласился, не раздумывая.

Через час он ехал к больнице. В кузове машины позвякивали части колонки.

В больнице Солтан долго не мог добиться никаких сведений о здоровье Сенем, пока не сообразил сунуть нянечке трояк. Вскоре он уже знал, что чувствует себя Сенем лучше и уже ходит, а была совсем плоха, еле отходили.

— Передавать чего будешь? — спросила нянечка.

Солтан, глядя на посетителей, у которых из сумок высывались свертки и кульки, а у некоторых даже цветы, ругнул себя: надо было конфет купить, что ли? Да теперь уже поздно.

Он вышел из больницы, приободрившись. Выходит, зря он себя мучил.

Разворачивая машину возле больницы, Солтан вдруг заметил в одном из окон женщину. Простоволосая, в сером больничном халате, она была мало похожа на Сенем. И все-таки словно что-то толкнуло его подъехать поближе. Женщина равнодушно смотрела в сторону, незнакомая, чужая. На всякий случай он позвал:

— Сенем!

Женщина повернулась, брови ее удивленно поднялись, рука вскинулась к горлу, стягивая полы халата. Все-таки это была Сенем.

Солтан выскочил из кабины, взлетел в кузов и торжественно поднял над головой трубу с ручкой.

— Эй! Я купил это для колонки. Завтра исправлю! Сенем улыбнулась, кивнула.

— Выздоровливай! Она снова кивнула.

Всю обратную дорогу Солтан пел, даже не замечая этого; заметил, лишь въезжая в Гарагоюнлу, нахмурился, замолчал.

На другой день все соседи высыпали из своих домов, когда Солтан принялся приводить в порядок колонку. Сначала не поняли, подумали, что он опять решил забить трубу, закричали. И в изумлении застыли на месте, когда увидели, как меняет Солтан сломанные части, ставя новые, липкие от заводской смазки.

— Сосед, дорогой, что случилось? — пропела нежно Хатын Арвад.

— Смотрите, дети! — сказал Гасан своим ребятишкам, со страхом уставившимся на соседа, которым их порой пугали родители. — Благородный человек, настоящий человек!

Касум спросил: «— Сколько мы должны тебе, Солтан?»

— Да, да, — подхватил Гасан. — Эти штуки — дорогие, я видел в магазине. Конечно, надо было заставить, чтобы бесплатно починили, колонка — общая... Но разве заставишь...

Солтан прекрасно понял, что про магазин, в котором Гасан «видел эти штуки», сосед намекнул, чтобы с него не взяли слишком много, и хотел уже ответить насмешливо или даже зло. Но не стал мелочиться, портить себе настроение.

Все по очереди подходили к колонке, пускали воду; она лилась ровным тугим потоком и сразу же, без капель, обрывалась, едва отпускали ручку. Сначала Гасан, а за ним и остальные попробовали воду, наполнив ладони, сложенные ковшком. Вода отдавала смазкой, но все уверяли, что она стала гораздо вкуснее. Так и стояли возле колонки, не торопясь расходиться. * * *

Вода в роднике иссякла лишь через неделю: видно, много ее накопилось в горе. Сначала она текла струйкой, затем — каплями, и, наконец, камни, по которым скатывалась она, стали белыми и шершавыми, будто их поверхности никогда не касалась влага.

А спустя три дня после этого в районной газете появилась заметка, рассказывающая о том, как сложили школьники в Гарагоюнлу великолепный родник, продолжая и укрепляя благородные традиции, издавна существовавшие в народе. А кончалась заметка так: «В Гарагоюнлу новый родник зовут родником Алыша Бабаева!»

Смеялось все село. Не смеялись лишь трое: Алыш, Осман и Солтан.

Больше всех парнишку донимал весельчак Наби: завидев его, спешил навстречу, а если ехал, то останавливал машину, просил неизменно родниковой водички, говорил, что умирает от жажды, протягивал к Алышу умоляюще руки... Алыш, сжав кулаки, уходил, а шофер вслед стыдил его за то, что он плохо продолжает благородные традиции... Словом, разыгрывал целый спектакль.

Осман переживал за сына и ругал себя как только мог: ведь именно он, старый осел, потихоньку написал и послал заметку в газету. Думал доставить сыну радость, а принес одни неприятности. Несколько раз Осман ругался с Наби, требовал оставить сына в покое и, кажется, добился своего: теперь весельчак Наби потешался над Алышем только в том случае, когда начинали другие и просто трудно было удержаться, чтобы не посмеяться вместе с ними

Осман, как мог, успокаивал Алыша.

— Скучно людям, вот они и забавляются. Ты смейся с ними вместе, — скорей перестанут.

— Что же здесь смешного? — с горечью говорил Алыш.

— Э, мальчик мой, хорошо, когда люди смеются. Плохо, когда плачут!

Уговоры не действовали на мальчишку. Он стал замкнутым, молчаливым, в школу шел уже без прежней охоты, а вернувшись, старался не выходить из дома. Осман извелся, глядя на него, и мечтал о том дне, когда из больницы выпишется, наконец, Сенем. Может быть, она найдет способ успокоить сына.

Как-то поздним вечером Осман услышал, как стонет Алыш во сне, вскрикивает, произносит бессвязные слова. Осман подошел, осторожно поправил сползшее одеяло, поудобнее уложил на постель откинутую руку сына. Сердце его разрывалось от любви и жалости. Он, кажется, все готов был сделать сейчас, чтобы облегчить страдания мальчугана. Но что? От насмешки нет защиты.

Осман вскочил. Есть! Есть защита. Пусть течет вода! Еще неизвестно, кто над кем будет смеяться...

Через несколько минут он вышел из дома с ломиком в руках и, крадучись, стал подниматься на пригорок. Ночь выдалась темная, безлунная. Осман, боясь оступиться, чуть ли не ощупью пробирался к тому месту, где, по его представлениям, должна была находиться колонка. Нашел он ее, наткнувшись и больно ударившись коленом. Но это не остановило Османа. Сдержав стон, он принялся обшаривать гладкий, нахолодавший металл, стараясь определить, куда бы просунуть ломик. Наконец нашел подходящее отверстие, нажал на ручку и одновременно на ломик. Что-то глухо треснуло, вода рванулась из трубы потоком.

И в ту же секунду Осман почувствовал, как его крепко схватили за ту руку, в которой он держал ломик. Осман рванулся — бесполезно!

— Ах, гад! — услышал он хриплый знакомый голос. — Значит, это ты все время ломаешь...

— Поверь, в первый раз, — забормотал Осман, покрывшись холодным потом. — Жизнью клянусь, сыном клянусь... Алыш страдает, дразнят его. Вот хотел, чтобы в роднике текла вода. Как прежде.

Вряд ли Солтан слышал, что бормотал совершенно растерявшийся и перепуганный Осман. Все его существо ликовало, он словно бы забыл про то умиротворенное настроение, которое владело им в последнее время. Снова жажда мести наполнила его без остатка.

— Эй, люди! — гаркнул он так, что эхом откликнулись горы. — Касум! Гасан! Идите сюда!

Осман стоял, как парализованный, шепча:

— Стыд! Какой стыд...

Он даже не пытался вырваться, да, пожалуй, это и не удалось бы ему: Солтан был намного сильнее. Только когда в окнах вспыхнул свет, Осман предпринял слабую попытку освободить руку.

— Не-ет! — торжествующе прорычал Солтан. — Не выйдет. Слаб здоровьем, счетовод проклятый!

— Послушай, — сказал, тоскуя Осман. — Мы же в детстве друзьями были.

— Вспомнил! — захохотал Солтан.

— Я поправлю колонку, клянусь! Завтра же вызову мастера.

— Конечно, поправишь! — ликовал Солтан. — Только сначала судить тебя будем.

— Отпусти, не позорь..,

Хлопнула дверь в доме Касума. И тогда Осман прошептал, сдерживая рыдания:

— Прошу тебя... Ради Сенем. Она этого не переживет._

Он сразу почувствовал, как дрогнула рука Сол-тана и ослабла железная его хватка. Словно тот только и ждал этих слов, зная, как трудно, как унижительно будет произнести их Осману.

От сильного толчка Осман едва не упал и пустился по дороге с горы. Сзади слышались голоса:

— Ты что, Солтан?

— Какой-то подлец снова колонку искалечил, — ответил Солтан. — Схватил было его, да вырвался...

— Вода-то опять как хлещет!

— Кому это надо, а?

— Совсем совесть потеряли, хулиганы!

Голоса остались далеко позади. Осман, прижав ладонь к груди, успокаивая сердце, перешел на шаг. Вспомнив, как унижался перед Солтаном, застонал. На пороге дома привел одежду в порядок, крепко растер лицо ладонью, чтобы ничто не выдало его, если Алыш вдруг проснулся от криков. Но Алыш спал. И вот чудеса: спал спокойно, словно шум потока,

хлынувшего из колонки, донесся сюда и убаюкал его.

...Родник ожил. Вновь вытекали из горы проворные струйки, бежали, словно прозрачные ящерки, по каменистому ее боку к подножью, а оттуда по трубам в чашу. Вновь из маленького грота на площади перед платаном неслась звонкая, булькающая песня. И хотя стояла уже поздняя осень, песня была весенней — мелодия разбуженной воды.

Алыш повеселел. Дразнить его перестали, наоборот, спрашивали с уважением: «Ты волшебник, что ли, парень?»

Осман старался не встречаться с Солтаном, завидев издали, переходил на другую сторону улицы. Стыдился.

О том, что случилось в Гарагоюнлу в тот памятный день, толковали по-разному.

Одни считали причиной оползня землетрясение, которое действительно произошло в это время где-то далеко на юге. Другие уверяли, что дело здесь — в самолетах, которые порой пролетали высоко над горами, да в грузовиках, громыхающих по улицам селения. От тех, мол, дрожит воздух, а от этих — земля! Где уж ей, бедняжке, выдержать!

О колонке, из которой постоянно текла вода, подмывая склон, не вспоминали. Наверное, потому, что теперь колонки не стало: она лежала у подножья, погребенная под обломками скал.

А Меси-мудрец продолжал твердить свое:

— Нет, это был аджаха! Настоящий аджаха!

Никто не знает, что имел в виду старик.

Никто не знает, что ищет, пролетая над озерными камышами, неведомая птица анадиль, оглашая ночную тишь тревожным постоянным криком: «Нашел ли?», «Нашел ли?» и отвечая себе: «Не нашел!»

Роман-газета № 23

№ 23(957) 19 8 2

©«Знамя» № 11, 1981 г.